

Документ подписан простой электронной подписью
Информация о владельце:
ФИО: Бублик Владимир Александрович
Должность: Ректор
Дата подписания: 25.08.2023 15:43:41
Уникальный программный ключ:
c51e862f35fca08ce36bdc9169348d2ba451f033

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ В. Ф. ЯКОВЛЕВА»

«Утверждено»
Решением Ученого Совета УрГЮУ
имени В. Ф. Яковлева
от 26.06.2023 года

ОЦЕНОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Методология юридической науки и образования

Основная профессиональная образовательная программа высшего образования – программа магистратуры по направлению подготовки

40.04.01 Юриспруденция

(профиль (магистерская программа): **Гражданское право**)

ЧАСТЬ 1. (не публикуется)

ЧАСТЬ 2. МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО РАБОТЕ С ОЦЕНОЧНЫМИ МАТЕРИАЛАМИ РАЗРАБОТЧИКИ

КАФЕДРА:	Теории государства и права
АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ:	Тарасов Н.Н. Профессор, дюн, доцент

I. ТЕКУЩИЙ КОНТРОЛЬ

1. Подготовка к занятиям в форме тестовых заданий

1.2. Здания на вопросы в открытой форме или на дополнение

1.2.1. Теоретические модели фрагмента реальности образуют _____.

Ключ ответа *предмет науки*

1.2.2. Рассуждающим познанием называют _____.

Ключ ответа *философию*

1.2.3. Считается, что школа естественного права возникла на идеях _____.

Ключ ответа *Гуго Гроция*

1.2.4. Ядром системы квинитского права в Древнем Рим считаются _____.

Ключ ответа *законы XII таблиц*

1.2.5. Нормативным основанием деятельности претора являлся _____.

Ключ ответа *преторский эдикт*

1.2.6. Высшее образование подразумевает формирование _____.

Ответ *картины мира*

1.2.7. Содержание профессионального образования составляет не только позитивное знание, но и _____.

Ответ *мировоззрение*

1.2.8. Считается, что идея университета и практика университетского юридического образования сыграла решающую роль в _____.

Ответ *Европейской рецепции Римского права*

1.2.9. Принципиальным отличием высшего образования является умение строить практику на основе _____.

Ответ *профессиональных норм, а не образцов*

1.2.10. Для профессионального правосознания особенно важно иметь представления не только знания действительного права, но и _____.

Ответ *представления о желаемом праве*

1.3 Задания с выбором единственного правильного ответа

	Вопрос	Варианты ответов	
1.	Течение европейского правоведения, понимающее право не как содержание традиции римского права и правоведения, а как независимый от исторических случайностей продукт разума, универсальный для всех эпох и народов - называется	Историческая школа	А
		Школа естественного права	Б
		Филологическая школа	В
		Школа глоссаторов	Г
		Школа постглоссаторов	Д
2.	Советская юриспруденция рассматривала вопросы развития государства и права в рамках	Теории социальной эволюции	А
		Формационной теории истории	Б
		Исторической Школы Анналов	В
		Школы естественного права	Г
		Исторической школы права	Д
3.	С точки зрения методологии советского правоведения, научное изучение права возможно только в методологии	Экономического детерминизма	А
		Политического моделирования	Б
		Социокультурного анализа	В
		Естественных наук	Г
		Пандектного правоведения	Д
4.	К числу выдающихся представителей советской юридической науки относится	Р.Йеринг	А
		Г.Виндшейд	Б
		С.С. Алексеев	В
		С.А.Муромцев	Г
		Н.М. Коркунов	Д
5.	Для социогуманитарных наук наименее характерен такой метод исследования, как	дедукция	А
		индукция	Б
		синтез	В
		эксперимент	Г
		анализ	Д

Ключ ответа

1.3.1	1.3.2.	1.3.3.	1.3.4	1.3.5
Б	Б	А	В	Г

1.	Один из университетов, где в XI-XII веках началось систематическое преподавание и изучение римского права, находился в	Константинополе	А
		Париже	Б
		Риме	В
		Болонье	Г
		Лондоне	Д
2.	Основу профессионального юридического образования составляет, в первую очередь, овладение	Приемами судебной риторики	А
		Навыками осуществления юридических процедур (подача иска, регистрация юридического лица и т.п.)	Б
		Текстами судебных решений по конкретным делам	В
		Понятийным аппаратом юриспруденции, формирующим профессиональное мышление	Г
		Текстуальным содержанием законов	Д
3.	Профессиональное юридическое мышление является условием	Структурирования юридических документов	А
		Выполнения юридических процедур	Б
		Ведения юридической статистики	В
		Осуществления юридической квалификации	Г
		Организации юридической службы	Д
4.	Фундаментальной задачей высшего юридического образования считается	Освоение процессуальных форм деятельности	А
		Формирование юридического мышления	Б
		Овладение профессиональной коммуникацией	В
		Приобретение управленческих навыков	Г
		Формирование умений разрешать конфликт	Д
5.	Обязательным для высшего юридического образования является овладение	Источниками профессиональной информации	А
		Системами поиска юридических сведений	Б
		Нормами профессиональной деятельности	В

		Техниками документоведения	юридического	Г
		Формами ведения профессиональной документации		Д
6.	Никакое юридическое образование невозможно без овладения	Юридическими системами	информационными	А
		Навыками юридической аналитики		Б
		Механизмом правового регулирования		В
		Техниками конфликтанализа		Г
		Юридической техникой		Д
7.	Содержание юридического образования определяется	Правовой традицией и ситуацией государства		А
		Социальным опытом и юридической практикой		Б
		Юридической наукой и потребностями общества		В
		Правосознанием и педагогической наукой		Г
		Экономикой и юридической техникой		Д

2. Анализ научного текста.

Проанализируйте приведенный ниже фрагмент текста путем заполнения таблицы.

Вячеслав Степин, Михаил Розов, Виталий Горохов

Философия науки и техники

Введение.

Предмет философии науки
(Розов М.А., Стёпин В.С.)

Сейчас, в конце двадцатого века, бросая взгляд в прошлое, мы можем с уверенностью сказать, что ни одна сфера духовной культуры не оказала столь существенного и динамичного влияния на общество, как наука. И в нашем мировоззрении, и в мире окружающих нас вещей мы повсеместно имеем дело с последствиями её развития. Со многими из них мы настолько срослись, что уже не склонны их замечать или тем более видеть в них особые достижения.

Ни с чем не сравнимы и темпы собственного роста и преобразования науки. Уже почти никто, кроме историков, не читает работ даже таких корифеев естествознания прошлого столетия, как Александр Гумбольдт, Фарадей, Максвелл или Дарвин. Никто уже не изучает физику по работам Эйнштейна, Бора, Гейзенберга, хотя они почти наши современники. Наука вся устремлена в будущее.

Каждый, даже великий, учёный обречён на то, что полученные им результаты со временем будут переформулированы, выражены в ином языке, а его идеи будут преобразованы. Науке чужд индивидуализм, она призывает каждого к жертвам ради общего дела, хотя и хранит в социальной памяти имена великих и малых творцов, внёсших вклад в её развитие. Но идеи после их публикации начинают жить самостоятельной жизнью, неподвластной воле и желаниям их творцов. Иногда бывает так, что учёный до конца своих дней не может принять того, во что превратились его собственные идеи. Они ему уже не принадлежат, он не способен угнаться за их развитием и контролировать их применение.

Не удивительно, что в наше время наука нередко оказывается объектом ожесточённой критики, её обвиняют во всех смертных грехах, включая и ужасы Чернобыля, и экологический кризис в целом. Но, во-первых, критика подобного рода – это только косвенное признание огромной роли и мощи науки, ибо никому не придёт в голову обвинять в чем-либо подобном современную музыку, живопись или архитектуру. А во-вторых, нелепо обвинять науку в том, что общество далеко не всегда способно использовать её результаты себе во благо. Спички создавались вовсе не для того, чтобы дети играли с огнём.

Сказанного уже достаточно, чтобы понять, что наука – это вполне достойный объект изучения. В наше время она оказалась под перекрёстным вниманием сразу нескольких дисциплин, включая историю, социологию, экономику, психологию, науковедение. Философия и методология науки занимают в этом ряду особое место. Наука многоаспектна и многогранна, но прежде всего она представляет собой производство знаний. Наука не существует без знания, как автомобилестроение не существует без автомобиля. Можно поэтому интересоваться историей научных учреждений, социологией и психологией научных коллективов, но именно производство знаний делает науку наукой. И именно с этой точки зрения мы будем в дальнейшем к ней подходить. Философия науки пытается ответить на следующие основные вопросы: что такое научное знание, как оно устроено, каковы принципы его организации и функционирования, что собой представляет наука как производство знаний, каковы закономерности формирования и развития научных дисциплин, чем они отличаются друг от друга и как взаимодействуют? Это, разумеется, далеко не полный перечень, но он даёт примерное представление о том, что в первую очередь интересует философию науки.

Итак, мы будем рассматривать науку как производство знаний. Но и с этой точки зрения она представляет собой нечто крайне многокомпонентное и разнородное. Это и экспериментальные средства, необходимые для изучения явлений, – приборы и установки, с помощью которых эти явления фиксируются и воспроизводятся. Это методы, посредством которых выделяются и познаются предметы исследования (фрагменты и аспекты объективного мира, на которые направлено научное познание). Это люди, занятые научным исследованием, написанием статей или монографий. Это учреждения и организации типа лабораторий, институтов, академий, научных журналов. Это системы знаний, зафиксированные в виде текстов и заполняющие полки библиотек. Это конференции, дискуссии, защиты диссертаций, научные экспедиции. Список такого рода можно продолжать и продолжать, но и сейчас бросается в глаза огромная разнородность перечисленных явлений. Что их объединяет? Нельзя ли все это многообразие свести к чему-то одному?

Простейшее и достаточно очевидное предположение может состоять в том, что наука – это определённая человеческая деятельность, обособленная в процессе разделения труда и направленная на получение знаний. Стоит охарактеризовать эту деятельность, её цели, средства и продукты, и она объединит все перечисленные явления, как например, деятельность столяра объединяет доски, клей, лак, письменный стол, рубанок и многое другое. Иными словами,

напрашивается мысль, что изучать науку – это значит изучать учёного за работой, изучать технологию его деятельности по производству знаний. Против этого трудно что-либо возразить.

Правда, в значительной степени учёный и сам изучает и описывает свою собственную деятельность: научные тексты, например, содержат подробное описание проделанных экспериментов, методов решения задач и т. п. Но описав поставленный эксперимент, учёный, за редким исключением, не пытается проследить, как именно он пришёл к идее этого эксперимента, а если и пытается, то результаты такой работы уже не входят органично в содержание специальных научных работ.

Не вдаваясь в детали и огрубляя картину, можно сказать, что учёный, работающий в той или иной специальной области науки, как правило, ограничивается описанием тех аспектов своей деятельности, которые можно представить и как характеристику изучаемых явлений. Так, например, когда химик описывает способ получения тех или иных соединений, то это не только описание деятельности, но и описание самих соединений: вещество такое-то может быть получено таким-то путём. Но далеко не все в деятельности учёного можно представить подобным образом. Процедуры научного поиска в разных областях знания имеют много общего, и уже это выводит их за пределы узко профессиональных интересов той или иной специальной науки.

Итак, одним из аспектов исследования науки может быть изучение учёного за работой. Результаты такого изучения могут иметь нормативный характер, ибо, описывая деятельность, которая привела к успеху, мы, сами того не желая, пропагандируем положительный образец, а описание неудачной деятельности звучит как предупреждение.

Но правомерно ли сводить изучение науки к описанию деятельности отдельных людей? Наука это далеко не только деятельность. Деятельность всегда персонифицирована, можно говорить о деятельности конкретного человека или группы людей, а наука выступает как некоторое надындивидуальное, надличностное явление. Это не просто деятельность Галилея, Максвелла или Дарвина. Конечно, труды этих учёных оказали влияние на науку, но каждый из них работал в рамках науки своего времени и подчинялся её требованиям и законам. Если мы как-то понимаем смысл выражений «работать в науке», «оказывать влияние на науку», «подчиняться требованиям науки», то мы тем самым интуитивно уже противопоставили науку деятельности отдельного человека или группы людей и должны теперь ответить на вопрос: что собой представляет это обезличенное целое, выглядывающее из-за спины каждого индивидуального своего представителя?

Забегая вперёд, можно сказать, что речь идёт о научных традициях, в рамках которых работает учёный. Силу этих традиций осознают и сами исследователи. Вот что пишет наш известный географ и почвовед Б. Б. Полынов, цитируя, якобы, выдержки из дневника одного иностранного учёного: «Что бы я ни взял, будь то пробирка или стеклянная палочка, к чему бы я ни подошёл: автоклаву или микроскопу, – все это было когда-то кем-то придумано, и все это заставляет меня делать определённые движения и принимать определённое положение. Я чувствую себя дрессированным животным, и это сходство тем полнее, что, прежде чем научиться точно и быстро выполнять безмолвные приказания всех этих вещей и скрытых за ними призраков прошлого, я действительно прошёл долгую школу дрессировки студентом, докторантом и доктором» И далее: «Никто не может меня упрекнуть в некорректном использовании литературных источников. Самая мысль о плагиате вызывает у меня отвращение. И все же с моей стороны не потребовалось особенного напряжения, чтобы убедиться, что в нескольких десятках моих работ, составивших мне репутацию оригинального учёного и охотно цитируемых моими коллегами и учениками, нет ни одного факта и ни одной мысли, которая не была бы предусмотрена, подготовлена или так или иначе спровоцирована моими учителями, предшественниками или пререканиями моих современников».

Может показаться, что перед нами карикатура. Но сам Б. Б. Польшов подытоживает приведённые записи следующим образом: «Все, что писал автор дневника, есть не что иное, как действительные реальные условия творчества многих десятков, сотен натуралистов всего мира. Мало того, это те самые условия, которые только и могут гарантировать развитие науки, т. е. использование опыта прошлого и дальнейший рост бесконечного количества зародышей всякого рода идей, скрытых иногда в далёком прошлом».

Итак, наука это деятельность, которая возможна только благодаря традиции или, точнее, множеству традиций, в рамках которых эта деятельность осуществляется. Она сама может быть рассмотрена как особый тип традиций, передаваемых в человеческой культуре. Деятельность и традиции – это два разных, хотя и неразрывно связанных аспекта науки, требующие, вообще говоря, разных подходов и методов исследования. Конечно, деятельность осуществляется в традициях, т. е. не существует без них, а традиции, в свою очередь, не существуют вне деятельности. Но изучая традиции, мы описываем некоторый естественный процесс, в то время как акты деятельности всегда целенаправлены. Они предполагают выбор ценностей и целей субъектом деятельности, и нельзя понять деятельность, не фиксируя цель. Философия науки, будучи дисциплиной гуманитарной, сталкивается здесь с кардинальной для гуманитарного знания дилеммой объяснения и понимания.

Рассмотрим её более подробно. Представим себе экспериментатора в лаборатории, окружённого приборами и различного рода экспериментальными установками. Он должен понимать назначение всех этих приспособлений, они для него – своеобразный текст, который он умеет читать и истолковывать определённым образом. Конечно, микроскоп, стоящий у него на столе, изобрёл и сделал не он, конечно, его использовали и раньше. Наш экспериментатор традиционен. Он, однако, может возразить и сказать, что использует микроскоп вовсе не потому, что так делали до него, а потому, что это соответствует его сегодняшним целям. Правда, и цели достаточно традиционны, но наш экспериментатор опять-таки выбрал их не в силу традиционности, а потому, что они показались ему интересными и привлекательными в сложившейся ситуации. Все это так и есть, наш экспериментатор нас не обманывает. Изучив традиции, мы поэтому ещё не поймём деятельность. Нам для этого нужно вникнуть в её цели и мотивы, увидеть мир глазами экспериментатора.

Соотношение понимающего и объясняющего подхода – это очень сложная проблема не только философии науки, но и гуманитарного познания вообще.

Анализ науки как традиции и как деятельности – это два способа анализа, дополняющие друг друга. Каждый из них выделяет особый аспект сложного целого, которым является наука. И их сочетание позволяет выработать более полное представление о науке.

Рассматривая науку как деятельность, направленную на производство нового знания, и как традицию важно принять во внимание историческую изменчивость самой научной деятельности и научной традиции. Иначе говоря, философия науки, анализируя закономерности развития научного знания, обязана учитывать историзм науки. В процессе её развития происходит не только накопление нового знания и перестраиваются ранее сложившиеся представления о мире. В этом процессе изменяются все компоненты научной деятельности: изучаемые ею объекты, средства и методы исследования, особенности научных коммуникаций, формы разделения и кооперации научного труда и т. п.

Даже беглое сравнение современной науки и науки предшествующих эпох обнаруживает разительные перемены. Учёный классической эпохи (от XVII до начала XX в.), допустим, Ньютон или Максвелл, вряд ли бы принял идеи и методы квантовомеханического описания, поскольку он считал недопустимым включать в теоретическое описание и объяснение ссылки на наблюдателя и средства наблюдения. Такие ссылки воспринимались бы в классическую эпоху как отказ от идеала

объективности. Но Бор и Гейзенберг – одни из творцов квантовой механики, – напротив, доказывали, что именно такой способ теоретического описания микромира гарантирует объективность знания о новой реальности. Иная эпоха – иные идеалы научности.

В наше время изменился и сам характер научной деятельности по сравнению с исследованиями классической эпохи. На место науки небольших сообществ учёных пришла современная «большая наука» с её почти производственным применением сложных и дорогостоящих приборных комплексов (типа крупных телескопов, современных систем разделения химических элементов, ускорителей элементарных частиц), с резким увеличением количества людей, занятых в научной деятельности и обслуживающих её; с крупными объединениями специалистов разного профиля, с целенаправленным государственным финансированием научных программ и т. п.

Меняются от эпохи к эпохе и функции науки в жизни общества, её место в культуре и её взаимодействие с другими областями культурного творчества. Уже в XVII в. возникающее естествознание заявило свои претензии на формирование в культуре доминирующих мировоззренческих образов. Обретая мировоззренческие функции, наука стала все активнее воздействовать на другие сферы социальной жизни, в том числе и на обыденное сознание людей. Ценность образования, основанного на усвоении научных знаний, стало восприниматься как нечто само собой разумеющееся.

Во второй половине XIX столетия наука получает все расширяющееся применение в технике и технологии. Сохраняя свою культурно-мировоззренческую функцию, она обретает новую социальную функцию – становится производительной силой общества.

XX век может быть охарактеризован как все расширяющееся использование науки в самых различных областях социальной жизни. Наука начинает все активнее применяться в различных сферах управления социальными процессами, выступая основой квалифицированных экспертных оценок и принятия управленческих решений. Соединяясь с властью, она реально начинает воздействовать на выбор тех или иных путей социального развития. Эту новую функцию науки иногда характеризуют как превращение её в социальную силу. При этом усиливаются мировоззренческие функции науки и её роль как непосредственной производительной силы.

Но если меняются сами стратегии научной деятельности и её функции в жизни общества, то возникают новые вопросы. Будет ли и дальше меняться облик науки и её функции в жизни общества? Всегда ли научная рациональность занимала приоритетное место в шкале ценностей или это характерно только для определённого типа культуры и определённых цивилизаций? Возможна ли утрата наукой своего прежнего ценностного статуса и своих прежних социальных функций? И наконец, какие изменения можно ожидать в системе самой научной деятельности и в её взаимодействии с другими сферами культуры на очередном цивилизационном переломе, в связи с поисками человечеством путей выхода из современных глобальных кризисов?

Все эти вопросы выступают как формулировки проблем, обсуждаемых в современной философии науки. Учёт этой проблематики позволяет уточнить понимание её предмета. Предметом философии науки являются *общие закономерности и тенденции научного познания как особой деятельности по производству научных знаний, взятых в их историческом развитии и рассмотренных в исторически изменяющемся социокультурном контексте*.

Современная философия науки рассматривает научное познание как социокультурный феномен. И одной из важных её задач является исследование того, как исторически меняются способы формирования нового научного знания и каковы механизмы воздействия социокультурных факторов на этот процесс.

Чтобы выявить общие закономерности развития научного познания, философия науки должна опираться на материал истории различных конкретных наук. Она вырабатывает определённые гипотезы и модели развития знания, проверяя их на соответствующем историческом материале. Все это обуславливает тесную связь философии науки с историко-научными исследованиями.

Философия науки всегда обращалась к анализу структуры динамики знания конкретных научных дисциплин. Но вместе с тем она ориентирована на сравнение разных научных дисциплин, на выявление общих закономерностей их развития. Как нельзя требовать от биолога, чтобы он ограничил себя изучением одного организма или одного вида организмов, так нельзя и философию науки лишить её эмпирической базы и возможности сравнений и сопоставлений.

Долгое время в философии науки в качестве образца для исследования структуры и динамики познания выбиралась математика. Однако здесь отсутствует ярко выраженный слой эмпирических знаний, и поэтому, анализируя математические тексты, трудно выявить те особенности строения и функционирования теории, которые связаны с её отношениями к эмпирическому базису. Вот почему философия науки, особенно с конца XIX столетия, все больше ориентируется на анализ естественнонаучного знания, которое содержит многообразие различных видов теорий и развитый эмпирический базис.

Представления и модели динамики науки, выработанные на этом историческом материале, могут потребовать корректировки при переносе на другие науки. Но развитие познания именно так и происходит: представления, выработанные и апробированные на одном материале, затем переносятся на другую область и видоизменяются, если будет обнаружено их несоответствие новому материалу.

Часто можно встретить утверждение, что представления о развитии знаний при анализе естественных наук нельзя переносить на область социального познания.

Основанием для таких запретов служит проведённое ещё в XIX веке различие наук о природе и наук о духе. Но при этом необходимо отдавать себе отчёт в том, что познание в социально-гуманитарных науках и науках о природе имеет общие черты именно потому, что это научное познание. Их различие коренится в специфике предметной области. В социально-гуманитарных науках предмет включает в себя человека, его сознание и часто выступает как текст, имеющий человеческий смысл. Фиксация такого предмета и его изучение требуют особых методов и познавательных процедур. Однако при всей сложности предмета социально-гуманитарных наук установка на объективное его изучение и поиск законов является обязательной характеристикой научного подхода. Это обстоятельство не всегда принимается во внимание сторонниками «абсолютной специфики» гуманитарного и социально-исторического знания. Его противопоставление естественным наукам производится подчас некорректно. Гуманитарное знание трактуется предельно расширительно: в него включают философские эссе, публицистику, художественную критику, художественную литературу и т. п. Но корректная постановка проблемы должна быть иной. Она требует чёткого различия понятий «социально-гуманитарное знание» и «научное социально-гуманитарное знание». Первое включает в себя результаты научного исследования, но не сводится к ним, поскольку предполагает также иные, вненаучные формы творчества. Второе же ограничивается только рамками научного исследования. Разумеется, само это исследование не изолировано от иных сфер культуры, взаимодействует с ними, но это не основание для отождествления науки с иными, хотя и близко соприкасающимися с ней формами человеческого творчества.

Если исходить из сопоставления наук об обществе и человеке, с одной стороны, и наук о природе – с другой, то нужно признать наличие в их познавательных процедурах как общего, так и

специфического содержания. Но методологические схемы, развитые в одной области, могут схватывать некоторые общие черты строения и динамики познания в другой области, и тогда методология вполне может развивать свои концепции так, как это делается в любой другой сфере научного познания, в том числе и социально-гуманитарных науках. Она может переносить модели, разработанные в одной сфере познания, на другую и затем корректировать их, адаптируя к специфике нового предмета.

При этом следует учитывать по меньшей мере два обстоятельства. Во-первых, философско-методологический анализ науки независимо от того, ориентирован ли он на естествознание или на социально-гуманитарные науки, сам принадлежит к сфере исторического социального познания. Даже тогда, когда философ и методолог имеет дело со специализированными текстами естествознания, его предмет – это не физические поля, не элементарные частицы, не процессы развития организмов, а – научное знание, его динамика, методы исследовательской деятельности, взятые в их историческом развитии. Понятно, что научное знание и его динамика является не природным, а социальным процессом, феноменом человеческой культуры, а поэтому его изучение выступает особым видом наук о духе.

Во-вторых, необходимо учитывать, что жёсткая демаркация между науками о природе и науками о духе имела свои основания для науки в XIX столетии, но она во многом утрачивает силу применительно к науке последней трети XX века. Об этом будет сказано более подробно в дальнейшем изложении. Но предварительно зафиксируем, что в естествознании наших дней все большую роль начинают играть исследования сложных развивающихся систем, которые обладают «синергетическими характеристиками» и включают в качестве своего компонента человека и его деятельность. Методология исследования таких объектов сближает естественнонаучное и гуманитарное познание, стирая жёсткие границы между ними.

Что же даёт философия науки человеку, который изучает её, не будучи специалистом в этой области? В наш прагматический век от изучения чего-то обычно ждут непосредственной пользы. Какую же пользу может извлечь из философии науки тот, кто работает либо готовится работать в науке над её конкретными проблемами? Могут ли они отыскать в философии науки некий универсальный метод решения проблем, своего рода «алгоритм открытия»? Мысленно обращаясь к специалистам в области конкретных наук по этому поводу, можно было бы сказать следующее: никто вам не поможет в решении ваших конкретных проблем, кроме вас самих. Философия науки не ставит своей обязательной задачей чему-то вас учить в вашей собственной области. Она не формулирует специально никаких конкретных рецептов или предписаний, она объясняет, описывает, но не предписывает. Конечно, как уже отмечалось, любое описание деятельности, в том числе и деятельности учёного, можно рассматривать и как предписание – «делай так же», но это может быть только побочным результатом философии науки. Философия науки в наше время преодолела ранее свойственные ей иллюзии в создании универсального метода или системы методов, которые могли бы обеспечить успех исследования для всех наук во все времена. Она выявила историческую изменчивость не только конкретных методов науки, но и глубинных методологических установок, характеризующих научную рациональность. Современная философия науки показала, что сама научная рациональность исторически развивается и что доминирующие установки научного сознания могут изменяться в зависимости от типа исследуемых объектов и под влиянием изменений в культуре, в которые наука вносит свой специфический вклад. Значит ли это, что философия науки вообще бесполезна для учёного? Нет, не значит. Попробуем прояснить эту несколько парадоксальную ситуацию.

Можно ли работать в сфере науки, не понимая, что она собой представляет? Вероятно можно, хотя и до определённых пределов. В такой же степени, например, можно завинчивать какой-нибудь болт

на конвейере автозавода, не имея ни малейшего представления ни о производственном процессе в целом, ни о том, что такое автомобиль. Более того, крайне сомнительно, что расширение ваших представлений о производственном процессе может существенно помочь в завинчивании отдельного болта. Однако, если вы ставите перед собой творческую задачу дальнейшего развития автомобилестроения, то здесь вам уже могут понадобиться и представления о предыдущих этапах и закономерностях этого развития, и знание смежных областей, и многое, многое другое. Трудно даже предусмотреть, что вам при этом может понадобиться. Неопределённость предполагаемой предварительной информации – это специфика творческих задач. Фактически перед нами тавтология: если вы точно знаете, что вам понадобится для решения задачи, значит задача не является творческой. Именно поэтому философия науки не нужна научному ремесленнику, не нужна при решении типовых и традиционных задач, но подлинная творческая работа, как правило, выводит учёного на проблемы философии и методологии. Он нуждается в том, чтобы посмотреть на свою область со стороны, осознать закономерности её развития, осмыслить её в контексте науки как целого, нуждается в расширении кругозора. Философия науки даёт такой кругозор, а извлечёте ли вы из этого пользу – это ваше дело.

Можно подойти к вопросу и с несколько иных позиций, с позиций ценностных ориентаций, с точки зрения осмысленности человеческой жизни. А способно ли нас удовлетворить простое завинчивание болта на конвейере без осознания более глобальной цели, без понимания того процесса, участником которого мы являемся? Вероятно, не способно. А это значит, что любой учёный нуждается в понимании того, что такое наука и научное знание, в понимании того глобального исторического процесса познания, на алтарь которого он самоотверженно кладёт свою голову. Философия науки служит и этим задачам.

Пример табличной формы для анализа предложенного текста и подготовке к дискуссии.

Аналитические фиксации	
Авторское понимание науки	Обоснование предлагаемого понимания
Социокультурные контексты науки	Авторское отношение
Классификация наук	Обоснование
Проблема социальных и гуманитарных наук	Философские основания и методология социогуманитаристики

2. Анализ научного текста.

Проанализируйте приведенный ниже фрагмент текста путем заполнения таблицы.

Б. Кистяковский
В ЗАЩИТУ ПРАВА

(Интеллигенция и правосознание)

Право не может быть поставлено рядом с такими духовными ценностями, как научная истина, нравственное совершенство, религиозная святость. Значение его более относительно, его содержание создается отчасти изменчивыми экономическими и социальными условиями. Относительное значение права дает повод некоторым теоретикам определять очень низко его ценность. Одни видят в праве только этический минимум, другие считают неотъемлемым элементом его принуждение, т. е. насилие. Если это так, то нет основания упрекать нашу интеллигенцию в игнорировании права.

Она стремилась к более высоким и безотносительным идеалам и могла пренебречь на своем пути эту второстепенную ценность.

Но духовная культура состоит не из одних ценных содержаний. Значительную часть ее составляют ценные формальные свойства интеллектуальной и волевой деятельности. А из всех формальных ценностей право, как наиболее совершенно развитая и почти конкретно осязаемая форма, играет самую важную роль. Право в гораздо большей степени дисциплинирует человека, чем логика и методология или чем систематические упражнения воли. Главное же, в противоположность индивидуальному характеру этих последних дисциплинирующих систем, право -- по преимуществу социальная система, и притом единственная социально дисциплинирующая система. Социальная дисциплина создается только правом: дисциплинированное общество и общество с развитым правовым порядком -- тождественные понятия.

С этой точки зрения и содержание права выступает в другом освещении. Главное и самое существенное содержание права составляет свобода. Правда, это свобода внешняя, относительная, обусловленная общественной средой, но внутренняя, более безотносительная, духовная свобода возможна только при существовании свободы внешней, и последняя есть самая лучшая школа для первой.

Если иметь в виду это всестороннее дисциплинирующее значение права и отдать себе отчет в том, какую роль оно сыграло в духовном развитии русской интеллигенции, то получатся результаты крайне неутешительные. Русская интеллигенция состоит из людей, которые ни индивидуально, ни социально не дисциплинированы. И это находится в связи с тем, что русская интеллигенция никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности; из всех культурных ценностей право находилось у нее в наибольшем загоне. При таких условиях у нашей интеллигенции не могло создаться и прочного правосознания, напротив, последнее стоит на крайне низком уровне развития.

I

Правосознание нашей интеллигенции могло бы развиваться в связи с разработкой правовых идей в литературе. Такая разработка была бы вместе с тем показателем нашей правовой сознательности. Напряженная деятельность сознания, неустанная работа мысли в каком-нибудь направлении всегда получают свое выражение в литературе. В ней прежде всего мы должны искать свидетельств о том, каково наше правосознание. Но здесь мы наталкиваемся на поразительный факт: в нашей "богатой" литературе в прошлом нет ни одного трактата, ни одного этюда о праве, которые имели бы общественное значение. Ученые юридические исследования у нас, конечно, были, но они всегда составляли достояние только специалистов. Не они нас интересуют, а литература, приобретающая общественное значение; в ней же не было ничего такого, что способно было бы пробудить правосознание нашей интеллигенции. Можно сказать, что в идейном развитии нашей интеллигенции, поскольку оно отразилось в литературе, не участвовала ни одна правовая идея. И теперь в той совокупности идей, из которой складывается мировоззрение нашей интеллигенции, идея права не играет никакой роли. Литература является именно, свидетельницей этого пробела в нашем общественном сознании.

Как не похоже в этом отношении наше развитие на развитие других цивилизованных народов? У англичан в соответствующую эпоху мы видим, с одной стороны, трактаты Гоббса "О гражданине" и о государстве "Левиафане" и Фильмера о "Патриархе", а с другой -- сочинения Мильтона в защиту свободы слова и печати, памфлеты Лильборна и правовые идеи уравнивателей -- "левеллеров". Самая бурная эпоха в истории Англии породил и наиболее крайние противоположности в правовых идеях. Но эти идеи не уничтожили взаимно друг друга, и в свое время был создан сравнительно сносный компромисс, получивший свое литературное выражение в этюдах Локка "О правительстве".

У французов идейное содержание образованных людей в XVIII столетии определялось далеко не одними естественнонаучными открытиями и натурфилософскими системами. Напротив, большая часть всей совокупности идей, господствовавших в умах французов этого века просвещения, несомненно, была заимствована из "Духа законов" Монтескье и "Общественного договора" Руссо. Это были чисто правовые идеи; даже идея общественного договора, которую в середине XIX столетия неправильно истолковали в социологическом, смысле определения генезиса общественной организации, была по преимуществу правовой идеей, устанавливавшей высшую норму для регулирования общественных отношений.

В немецком духовном развитии правовые идеи сыграли не меньшую роль. Здесь к концу XVIII столетия создалась уже прочная многовековая традиция благодаря Альтцузию, Пуфендорфу, Томазию и Хр. Вольфу. Наконец, в предконституционную эпоху, которая была вместе с тем и эпохой наибольшего расцвета немецкой духовной культуры, право уже признавалось неотъемлемой составной частью этой культуры. Вспомним хотя бы, что три представителя немецкой классической философии -- Кант, Фихте и Гегель -- уделили очень видное место в своих системах философии права. В системе Гегеля философия права занимала совершенно исключительное положение, и потому он поспешил ее изложить немедленно после логики или онтологии, между тем как философия истории, философия искусства и даже философия религии так и остались им ненаписанными и были изданы только после его смерти по запискам его слушателей. Философию права культивировали и большинство других немецких философов, как Герbart, Краузе, Фриз и другие. В первой половине XIX столетия "Философия права" была, несомненно, наиболее часто встречающейся философской книгой в Германии. Но помимо этого уже во втором десятилетии того же столетия возник знаменитый спор между двумя юристами -- Тибо и Савиньи -- "О призвании нашего времени к законодательству и правоведению". Чисто юридический спор этот имел глубокое культурное значение; он заинтересовал все образованное общество Германии и способствовал более интенсивному пробуждению его правосознания. Если этот спор ознаменовал окончательный упадок идей естественного права, то в то же время он привел к торжеству новой школы права -- исторической. Из этой школы вышла такая замечательная книга, как "Обычное право" Пухты. С нею самым тесным образом увязано развитие новой юридической школы германистов, разрабатывающих и отстаивающих германские институты права в противоположность римскому праву. Один из последователей этой школы, Безелер, в своей замечательной книге "Народное право и право юристов" оттенил значение народного правосознания еще больше, чем это сделал Пухта в своем "Обычном праве".

Ничего аналогичного в развитии нашей интеллигенции нельзя указать. У нас при всех университетах созданы юридические факультеты; некоторые из них существуют более ста лет; есть у нас и полдесятка специальных юридических высших учебных заведений. Все это составит на всю Россию около полтора десятка юридических кафедр. Но ни один из представителей этих кафедр не дал не только книги, но даже правового этюда, который имел бы широкое общественное значение и повлиял бы на правосознание нашей интеллигенции. В нашей юридической литературе нельзя указать даже ни одной статейки, которая выдвинула бы впервые хотя бы такую по существу не глубокую, но все-таки верную и боевую правовую идею, как иеринговская "Борьба за право". Ни Чичерин, ни Соловьев не создали чего-либо значительного в области правовых идей. Да и то хорошее, что они дали, оказалось почти бесплодным: их влияние на нашу интеллигенцию было ничтожно; менее всего нашли в ней отзвук именно их правовые идеи. В последнее время у нас выдвинуты идея возрождения естественного права и идея интуитивного права. Говорить о значении их для нашего общественного развития пока преждевременно. Однако ничто до сих пор не дает основания предположить, что они будут иметь широкие общественное значение. В самом деле, где у этих идей тот внешний

облик, та определенная формула, которые обыкновенно придают идеям эластичность и помогают их распространению? Где та книга, которая была бы способна пробудить при посредстве этих идей правосознание нашей интеллигенции? Где наш "Дух законов", наш "Общественный договор"?

Нам могут сказать, что русский народ вступил чересчур поздно на исторический путь, что нам незачем самостоятельно вырабатывать идеи свободы и прав личности, правового порядка, конституционного государства, что все эти идеи давно высказаны, развиты в деталях, воплощены, и потому нам остается только их заимствовать. Если бы это было даже так, то и тогда мы должны были бы все таки пережить эти идеи; недостаточно заимствовать их, надо в известный момент жизни быть всецело охваченными ими; как бы ни была сама по себе стара та или другая идея, она для переживающего ее впервые всегда нова; она совершает творческую работу в его сознании, ассимилируясь и претворяясь с другими элементами его; она возбуждает его волю к активности, к действию; между тем правосознание русской интеллигенции никогда не было охвачено всецело идеями прав личности и правового государства, и они не пережиты вполне нашей интеллигенцией. Но это и по существу не так. Нет единых и одних <и> тех же идей свободы личности, правового строя, конституционного государства, одинаковых для всех народов и времен, как нет капитализма или другой хозяйственной, или общественной организации, одинаковой во всех странах. Все правовые идеи в сознании каждого отдельного народа получают своеобразную окраску и свой собственный оттенок.

II

Притупленность правосознания русской интеллигенции и отсутствие интереса к правовым идеям являются результатом застарелого зла -- отсутствия какого бы то ни было правового порядка в повседневной жизни русского народа. По поводу этого Герцен еще в начале пятидесятых годов прошлого века писал: "правовая необеспеченность, искони тяготевшая над народом, была для него своего рода школою. Вопиющая несправедливость одной половины его законов научила его ненавидеть и другую; он подчиняется им как силе. Полное неравенство перед судом убило в нем всякое уважение к законности. Русский, какого бы он звания ни был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно; и совершенно так же поступает правительство". Дав такую безотрадную характеристику нашей правовой неорганизованности, сам Герцен, однако, как настоящий русский интеллигент прибавляет: "Это тяжело и печально сейчас, но для будущего это -- огромное преимущество. Ибо это показывает, что в России позади видимого государства не стоит его идеал, государство невидимое, апофеоз существующего порядка вещей".

Итак, Герцен предполагает, что в этом коренном недостатке русской общественной жизни заключается известное преимущество. Мысль эта принадлежала не лично ему, а всему кружку людей сороковых годов, и главным образом славянофильской группе их. В слабости внешних правовых форм и даже в полном отсутствии внешнего правопорядка в русской общественной жизни они усматривали положительную, а не отрицательную сторону. Так, Константин Аксаков утверждал, что в то время, как "западное человечество" двинулось "путем внешней правды, путем государства", русский народ пошел путем "внутренней правды". Поэтому отношения между народом и Государем в России, особенно до петровской, основывались на взаимном доверии и на обоюдном искреннем желании пользы. "Однако, -- предполагал он, -- нам скажут: или народ, или власть могут изменить друг другу. Гарантия нужна!" -- И на это он отвечал: "Гарантия не нужна! Гарантия есть зло. Где нужна она, там нет добра; пусть лучше разрушится жизнь, в которой нет добра чем стоять с помощью зла". Это отрицание необходимости правовых гарантий и даже признание их злом побудило поэта юмориста Б. Н. Алмазова вложить в уста К. С. Аксакова стихотворение, которое начинается следующими стихами:

*По причинам органическим
Мы совсем не снабжены
Здравым смыслом юридическим,
Сим исчадьем сатаны.
Широки натуры русские,
Нашей правды идеал
Не влезает в формы узкие
Юридических начал и т. д.*

В этом стихотворении в несколько утрированной форме, но по-существу верно излагались взгляды К. С. Аксакова и славянофилов.

Было бы ошибочно думать, что игнорирование значения правовых принципов для общественной жизни был особенностью славянофилов. У славянофилов оно выражалось только в более резкой форме и эпигонами их было доводимо до крайности; например, К. Н. Леонтьев чуть не прославлял русского человека за то, что ему чужда "вексельная честность" западноевропейского буржуа. Но мы знаем, что и Герцен видел некоторое наше преимущество в том, что у нас нет прочного правопорядка. И надо признать общим свойством всей нашей интеллигенции непонимание значения правовых норм для общественной жизни...

III

Основу прочного правопорядка составляет свобода личности и ее неприкосновенность. Казалось бы, у русской интеллигенции было достаточно мотивов проявлять интерес именно к личным правам. Искони у нас было признано, что все общественное развитие зависит от того, какое положение занимает личность. Поэтому даже смена общественных направлений у нас характеризуется заменой одной формулы, касающейся личности, другой. Одна за другой у нас выдвигались формулы: критически мыслящей, сознательной, всесторонне развитой, самосовершенствующейся, этической, религиозной и революционной личности. Были и противоположные течения, стремившиеся потопить личность в общественных интересах, объявлявшие личность "quantite negligeable" и отстаивавшие соборную личность. Наконец, в последнее время ницшеанство, штирнерианство и анархизм выдвинули новые лозунги самодовлеющей личности, эгоистической личности и сверхличности. Трудно найти более разностороннюю и богатую разработку идеала личности, и можно было бы думать, что, по крайней мере, она является исчерпывающей. Но именно тут мы констатируем величайший пробел, так как наше общественное сознание ни когда не выдвигало идеала правовой личности. Об стороны этого идеала -- личности, дисциплинированной правом и устойчивым правопорядком, и личности, наделенной всеми правами и свободно пользующейся ими чужды сознанию нашей интеллигенции.

Целый ряд фактов не оставляет относительно этого никакого сомнения. Духовные вожди русской интеллигенции неоднократно или совершенно игнорировали правовые интересы личности, или выказывали к ним даже прямую враждебность. Так, один из самых выдающихся наших юристов мыслителей, К. Д. Кавелин, уделил очень много внимания вопросу о личности вообще: в своей статье "Взгляд на юридический быт древней Руси", появившейся в "Современнике" еще в 1847 году, он первый отметил, что в истории русских правовых институтов личность заслонялась семьей, общиной, государством и не получила своего правового определения; затем, с конца шестидесятих годов, он занялся вопросами психологии и этики именно потому, что надеялся найти в теоретическом выяснении соотношения между личностью и обществом средство к правильному решению всех наболевших у нас общественных вопросов. Но это не помешало ему в решительный момент в начале шестидесятих годов, когда впервые был

поднят вопрос о завершении реформ Александра II, проявить невероятное равнодушие к гарантиям личных прав. В 1862 году в своей брошюре, изданной анонимно в Берлине, и особенно в переписке, которую он вел тогда с Герценом, он беспощадно критиковал конституционные проекты, которые выдвигались в то время дворянскими собраниями; он считал, что народное представительство будет состоять у нас из дворян и, следовательно, приведет к господству дворянства. Отвергая во имя своих демократических стремлений конституционное государство, он игнорировал, однако, его правовое значение. Для К. Д. Кавелина, поскольку он высказался в этой переписке, как бы не существует бесспорная, с нашей точки зрения, истина, что свобода и неприкосновенность личности осуществимы только в конституционном государстве, так как вообще идея борьбы за права личности была ему тогда совершенно чужда.

В семидесятых годах это равнодушие к правам личности, переходящее иногда во враждебность, не только усилилось, но и приобрело известное теоретическое оправдание. Лучшим выразителем этой эпохи был, несомненно Н. К. Михайловский, который за себя и за свое поколение дал классический, по своей определенности и точности ответ на интересующий нас вопрос. Он прямо заявляет, что "свобода -- великая и соблазнительная вещь, но мы не хотим свободы, если она, как было в Европе, только увеличит наш вековой долг народу", и прибавляет: "я твердо знаю, что выразил одну из интимнейших и задушевнейших идей нашего времени; ту именно, которая придает семидесятым годам оригинальную физиономию и ради которой они, эти семидесятые годы, принесли страшные, неисчислимы жертвы"^[11]. В этих словах отрицание правового строя было возведено в систему, вполне определенно обоснованную и развитую. Вот как оправдывал Михайловский эту систему: "Скептически настроенные по отношению к принципу свободы, мы готовы были не домогаться никаких прав для себя; не привилегий только, об этом и говорить нечего, а самых даже элементарных параграфов того, что в старину называлось естественным правом. Мы были совершенно согласны довольствоваться в юридическом смысле акридами и диким медом и лично претерпевать всякие невзгоды. Конечно, это отречение было, так сказать, платоническое, потому что нам, кроме акрид и дикого меда, никто ничего и не предлагал, но я говорю о настроении, а оно именно таково было и доходило до пределов даже маловероятных, о чем в свое время скажет история. "Пусть секут, мужика секут же" -- вот как, примерно, можно выразить это настроение в его крайнем проявлении. И все это ради одной возможности, в которую мы всю душу клали; именно возможности непосредственного перехода к лучшему, высшему порядку, минуя среднюю стадию европейского развития, стадию буржуазного государства. Мы верили, что Россия может проложить себе новый исторический путь, особый от европейского, причем опять таки для нас важно не то было, чтобы это был какой то национальный путь, а чтобы он был путь хороший, а хорошим мы признавали путь сознательной, практической пригонки национальной физиономии к интересам народа^[21].

Здесь высказаны основные положения народнического мировоззрения, поскольку оно касалось правовых вопросов. Михайловский и его поколение отказывались от политической свободы и конституционного государства ввиду возможности непосредственного перехода России к социалистическому строю. Но все это социологическое построение было основано на полном непонимании природы конституционного государства. Как Кавелин возражал против конституционных проектов потому, что в его время народное представительство в России оказалось бы дворянским, так Михайловский отвергал конституционное государство как буржуазное. Вследствие присущей нашей интеллигенции слабости правового сознания тот и другой обращали внимание только на социальную природу конституционного государства и не замечали его правового характера, хотя сущность его именно в том, что оно прежде всего правовое государство. А правовой характер конституционного государства получает

наиболее яркое свое выражение в ограждении личности, ее неприкосновенности и свободе.

IV

Из трех главных определений права по содержанию правовых норм, как норм, устанавливающих и ограничивающих свободу (школа естественного права и немецкие философы идеалисты), -- норм, разграничивающих интересы (Иеринг), и наконец -- норм, создающих компромисс между различными требованиями (Адольф Меркель), последнее определение заслуживает особенного внимания с социологической точки зрения. Всякий сколько-нибудь важный новоиздающийся закон в современном конституционном государстве является компромиссом, выработанным различными партиями, выражающими требования тех социальных групп или классов, представителями которых они являются. Само современное государство основано на компромиссе, и конституция каждого отдельного государства есть компромисс, примиряющий различные стремления наиболее влиятельных социальных групп в данном государстве. Поэтому современное государство с социально экономической точки зрения только чаще всего бывает по преимуществу буржуазным, но оно может быть и по преимуществу дворянским; так, например, Англия до избирательной реформы 1832 года была конституционным государством, в котором господствовало дворянство, а Пруссия, несмотря на шестидесятилетнее существование конституции, до сих пор больше является дворянским, чем буржуазным государством. Но конституционное государство может быть и по преимуществу рабочим и крестьянским, как это мы видим на примере Новой Зеландии и Норвегии. Наконец, оно может быть лишено определенной классовой окраски в тех случаях, когда, между классами устанавливается равновесие и ни один из существующих классов не получает безусловного перевеса. Но если современное конституционное государство оказывается часто основанным на компромиссе даже по своей социальной организации, то тем более оно является таковым по своей политической и правовой организации. Это и позволяет социалистам, несмотря на принципиальное отрицание конституционного государства как буржуазного, сравнительно легко с ним уживаться и, участвуя в парламентской деятельности, пользоваться им как средством. Поэтому и Кавелин, и Михайловский были правы, когда предполагали, что конституционное государство в России будет или дворянским, или буржуазным; но они были неправы, когда выводили отсюда необходимость непримиримой вражды к нему и не допускали его даже как компромисс; на компромисс с конституционным государством идут социалисты всего мира.

Однако важнее всего то, что, как было отмечено выше, Кавелин, Михайловский и вся русская интеллигенция, следовавшая за ними, упускали совершенно из вида правовую природу конституционного государства. Если же мы сосредоточим свое внимание на правовой организации конституционного государства, то для уяснения его природы мы должны обратиться к понятию права в его чистом виде, т. е. с его подлинным содержанием, не заимствованным из экономических и социальных отношений. Тогда недостаточно указывать на то, что право разграничивает интересы или создает компромисс между ними, а надо прямо настаивать на том, что право только там, где есть свобода личности. В этом смысле правовой порядок есть система отношений, при которых все лица данного общества обладают наибольшей свободой деятельности и самоопределения. Но в этом смысле правовой строй нельзя противопоставлять социалистическому строю. Напротив, более углубленное понимание обоих приводит к выводу, что они тесно друг с другом связаны, и социалистический строй с юридической точки зрения есть только более последовательно проведенный правовой строй. С другой стороны, осуществление социалистического строя возможно только тогда, когда все его учреждения получают вполне точную правовую формулировку.

При общем убожестве правового сознания русской интеллигенции и такие вожди ее, как Кавелин и Михайловский, не могли пытаться дать правовое выражение -- первый для

своего демократизма, а второй для социализма. Они отказывались даже отстаивать хотя бы минимум правового порядка, и Кавелин высказывался против конституции, а Михайловский скептически относился к политической свободе. Правда, в конце семидесятых годов события заставили передовых народников и самого Михайловского выступить на борьбу за политическую свободу. Но эта борьба, к которой народники пришли не путем развития своих идей, а в силу внешних обстоятельств и исторической необходимости, конечно, не могла увенчаться успехом. Личный героизм членов партии "Народной воли" не мог искупить основного идейного дефекта не только всего народнического движения, но и всей русской интеллигенции. Наступившая во второй половине восьмидесятых годов реакция была тем мрачнее и беспросветнее, что при отсутствии каких бы то ни было правовых основ и гарантий для нормальной общественной жизни наша интеллигенция не была даже в состоянии вполне отчетливо сознавать всю бездну бесправия русского народа. Не было теоретических формул, которые определяли бы это бесправие.

Только новая волна западничества, хлынувшая в начале девяностых годов вместе с марксизмом, начала немного прояснять правовое сознание русской интеллигенции. Постепенно русская интеллигенция стала усваивать азбучные для европейцев истины, которые в свое время действовали на нашу интеллигенцию, как величайшие откровения. Наша интеллигенция, наконец, поняла, что всякая социальная борьба есть борьба политическая, что политическая свобода есть необходимая предпосылка социалистического строя, что конституционное государство, несмотря на господство в нем буржуазии, предоставляет рабочему классу больше простора для борьбы за свои интересы, что рабочий класс нуждается прежде всего в неприкосновенности личности и в свободе слова, стачек, собраний и союзов, что борьба за политическую свободу есть первая и насущнейшая задача всякой социалистической партии и т.д., и т.д. Можно было ожидать, что наша интеллигенция наконец признает и без относительную ценность личности и потребует осуществления ее прав и неприкосновенности. Но дефекты правосознания нашей интеллигенции не так легко устранимы. Несмотря на школу марксизма, пройденную ею, отношение ее к праву осталось прежним. Об этом можно судить хотя бы по идеям, господствующим в нашей социал-демократической партии, к которой еще недавно примыкало большинство нашей интеллигенции. В этом отношении особенный интерес представляют протоколы так называемого Второго очередного съезда "Российской социал демократической рабочей партии", заседавшего в Брюсселе в августе 1903 года и выработавшего программу и устав партии. От первого съезда этой партии, происходившего в Минске в 1898 году, не сохранилось протоколов; опубликованный же от его имени манифест не был выработан и утвержден на съезде, а составлен П. Б. Струве по просьбе одного члена Центрального Комитета. Таким образом, "полный текст протоколов Второго очередного съезда Р. С. Д. Р. П.", изданный в Женеве в 1903 году, представляет первый по времени и потому особенно замечательный памятник мышления по вопросам права и политики определенной части русской интеллигенции, организовавшейся в социал-демократическую партию. Что в этих протоколах мы имеем дело с интеллигентскими мнениями, а не с мнениями членов "рабочей партии" в точном смысле слова, это засвидетельствовал участник съезда и один из духовных вождей русской социал-демократии того времени, г. Старовер (А. Н. Потресов), в своей статье "О кружковом марксизме и об интеллигентской социал-демократии"¹³¹.

Мы, конечно, не можем отметить здесь все случаи, когда в ходе прений отдельные участники съезда обнаруживали поразительное отсутствие правового чувства и полное непонимание значения юридической правды. Достаточно указать на то, что даже идейные вожди и руководители партии часто отстаивали положения, противоречившие основным принципам права. Так, Г. В. Плеханов, который более кого бы то ни было способствовал разоблачению народнических иллюзий русской интеллигенции и за свою

двадцатипятилетнюю разработку социал- демократических принципов справедливо признается наиболее видным теоретиком партии, выступил на съезде с проповедью относительности всех демократических принципов, равносильной отрицанию твердого и устойчивого правового порядка и самого конституционного государства. По его мнению, "каждый данный демократический принцип должен быть рассматриваем не сам по себе в своей отвлеченности, а в его отношении к тому принципу, который может быть назван основным принципом демократии, именно к принципу, гласящему, что *salus populi suprema lex*. В переводе на язык революционера это значит, что успех революции -- высший закон. И если бы ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы остановиться. Как личное свое мнение, я скажу, что даже на принцип всеобщего избирательного права надо смотреть с точки зрения указанного мною основного принципа демократии. Гипотетически мыслим случай, когда мы, социал-демократы, высказались бы против всеобщего избирательного права. Буржуазия итальянских республик лишала когда то политических прав лиц, принадлежавших к дворянству. Революционный пролетариат мог бы ограничить политические права высших классов подобно тому, как высшие классы ограничивали когда то его политические права. О пригодности такой меры можно было бы судить лишь с точки зрения правила *salus revoeutiae suprema lex*. И на эту же точку зрения мы должны были бы стать и в вопросе о продолжительности парламентов. Если бы в порыве революционного энтузиазма народ выбрал очень хороший парламент -- своего рода "chambre introuvable", -- то нам следовало бы стремиться сделать его долгим парламентом; а если бы выборы оказались неудачными, то нам нужно было бы стараться разогнать его не через два года, а если можно, то через две недели"^[4].

Провозглашенная в этой речи идея господства силы и захватной власти вместо господства принципов права прямо чудовищна. Даже в среде членов социал-демократического съезда, привыкших преклоняться лишь перед социальными силами, такая постановка вопроса вызвала оппозицию. Очевидцы передают, что после этой речи из среды группы "бундистов", представителей более близких к Западу социальных элементов, послышались возгласы: "не лишит ли тов. Плеханов буржуазию и свободы слова и неприкосновенности личности?" Но эти возгласы, как исходившие не от очередных ораторов, не занесены в протокол. Однако к чести русской интеллигенции надо заметить, что и ораторы, стоявшие на очереди, принадлежавшие, правда, к оппозиционному меньшинству на съезде, заявили протест против слов Плеханова. Член съезда Егоров заметил, что "законы войны одни, а законы конституции -- другие" и Плеханов не принял во внимание, что социал-демократы доставляют "свою программу на случай конституции. Другой член съезда, Гольдблат, нашел слова Плеханова "подражанием буржуазной тактике. Если быть последовательным, то, исходя из слов Плеханова, требованию всеобщего избирательного права надо вычеркнуть из социал-демократической программы".

Как бы то ни было, вышеприведенная речь Плеханова, несомненно, является показателем не только крайне низкого уровня правового сознания нашей интеллигенции, но и склонности к его извращению. Даже наиболее выдающиеся вожди ее готовы во имя временных выгод отказаться от непреложных принципов правового строя. Понятно, что с таким уровнем правосознания русская интеллигенция в освободительную эпоху не была в состоянии практически осуществить даже элементарные права личности -- свободу слова и собраний. На наших митингах свободой слова пользовались только ораторы, угодные большинству; все несогласно мыслящие заглушались криками, свистками, возгласами "довольно", а иногда даже физическим воздействием. Устройство митингов превратилось в привилегию небольших групп, и потому они утратили большую часть своего значения и ценности, так что в конце концов ими мало дорожили. Ясно, что из привилегии малочисленных групп устраивать митинги и пользоваться на

них свободой слова не могла родиться действительная свобода публичного обсуждения политических вопросов; из нее возникла только другая привилегия противоположных общественных групп получать иногда разрешение устраивать собрания.

Убожеством нашего правосознания объясняется и поразительное бесплодие наших революционных годов в правовом отношении. В эти годы русская интеллигенция проявила полное непонимание правотворческого процесса; она даже не знала той основной истины, что старое право не может быть просто отменено, так как отмена его имеет силу только тогда, когда оно заменяется новым правом. Напротив, простая отмена старого права ведет лишь к тому, что временно оно как бы не действует, но зато потом восстанавливается во всей силе. Особенно определенно это сказалось в проведении явочным порядком свободы собраний. Наша интеллигенция оказалась неспособной создать немедленно для этой свободы известные правовые формы. Отсутствие каких бы то ни было форм для собраний хотели даже возвести в закон, как это видно из чрезвычайно характерных дебатов в первой Государственной Думе, посвященных "законопроекту" о свободе собраний. По поводу этих дебатов один из членов первой Государственной Думы, выдающийся юрист, совершенно справедливо замечает, что "одно голое провозглашение свободы собраний на практике привело бы к тому, что граждане стали бы сами восставать в известных случаях против злоупотреблений этой свободой. И как бы ни были несовершенны органы исполнительной власти, во всяком случае безопаснее и вернее поручить им дело защиты граждан от этих злоупотреблений, чем оставить это на произвол частной саморасправы". По его наблюдениям, "те самые лица, которые стояли в теории за такое невмешательство должностных лиц, на практике горько сетовали и делали запросы министрам по поводу бездействия власти каждый раз, когда власть отказывалась действовать для защиты свободы и жизни отдельных лиц". "Это была прямая непоследовательность", -- прибавляет он, -- объяснявшаяся "недостатком юридических сведений"^[51]. Теперь мы дожили до того, что даже в Государственной Думе третьего созыва не существует полной и равной для всех свободы слова, так как свобода при обсуждении одних и тех же вопросов для господствующей партии и оппозиции не одинакова. Это тем более печально, что народное представительство независимо от своего состава должно отражать по крайней мере правовую совесть всего народа, как минимум его этической совести.

V

Правосознание всякого народа всегда отражается в его способности создавать организации и выработать для них известные формы. Организации и их формы невозможны без правовых норм, регулирующих их, и потому возникновение организаций необходимо сопровождается разработкой этих норм. Русский народ в целом не лишен организаторских талантов; ему, несомненно, присуще тяготение даже к особенно интенсивным видам организации; об этом достаточно свидетельствует его стремление к общинному быту, его земельная община, его артели и т. под. Жизнь и строение этих организаций определяются внутренним сознанием о праве и не праве, живущим в народной душе. Этот по преимуществу внутренний характер правосознания русского народа был причиной ошибочного взгляда на отношение нашего народа к праву. Он дал повод сперва славянофилам, а затем народникам предполагать, что русскому народу чужды "юридические начала", что, руководясь только своим внутренним сознанием, он действует исключительно по этическим побуждениям. Конечно, нормы права и нормы нравственности в сознании русского народа недостаточно дифференцированы и живут в слитном состоянии. Этим, вероятно, объясняются и дефекты русского народного обычного права; оно лишено единства, а еще больше ему чужд основной признак всякого обычного права -- единообразное применение.

Но именно тут интеллигенция и должна была бы прийти на помощь народу и способствовать как окончательному дифференцированию норм обычного права, так и

более устойчивому их применению, а также их дальнейшему систематическому развитию. Только тогда народническая интеллигенция смогла бы осуществить поставленную ею себе задачу способствовать укреплению и развитию общинных начал; вместе с тем сделалось бы возможным пересоздание их в более высокие формы общественного быта, приближающиеся к социалистическому строю. Ложная исходная точка зрения, предположение, что сознание нашего народа ориентировано исключительно этически, помешало осуществлению этой задачи и привело интеллигентские надежды к крушению. На одной этике нельзя построить конкретных общественных форм. Такое стремление противоестественно; оно ведет к уничтожению и дискредитированию этики и к окончательному притуплению правового сознания.

Всякая общественная организация нуждается в правовых нормах, т. е. в правилах, регулирующих не внутреннее поведение людей, что составляет задачу этики, а их поведение внешнее. Определяя внешнее поведение, правовые нормы, однако, сами не являются чем то внешним, так как они живут прежде всего в нашем сознании и являются такими же внутренними элементами нашего духа, как и этические нормы. Только будучи выраженными в статьях законов или примененными в жизни, они приобретают и внешнее существование. Между тем, игнорируя все внутреннее или, как теперь выражаются, интуитивное право, наша интеллигенция считала правом только те внешние, безжизненные нормы, которые так легко укладываются в статьи и параграфы писаного закона или какого нибудь устава. Чрезвычайно характерно, что наряду с стремлением построить сложные общественные формы исключительно на этических принципах наша интеллигенция в своих организациях обнаруживает поразительное пристрастие к формальным правилам и подробной регламентации; в этом случае она проявляет особенную веру в статьи и параграфы организационных уставов. Явление это, могущее показаться непонятным противоречием, объясняется именно тем, что в правовой норме наша интеллигенция видит не правовое убеждение, а лишь правило, получившее внешнее выражение.

Здесь мы имеем одно из типичнейших проявлений низкого уровня правосознания. Как известно, тенденция к подробной регламентации и регулированию всех общественных отношений статьями писаных законов присуща полицейскому государству, и она составляет отличительный признак его в противоположность государству правовому. Можно сказать, что правосознание нашей интеллигенции и находится на стадии развития, соответствующей формам полицейской государственности. Все типичные черты последней отражаются на склонностях нашей интеллигенции к формализму и бюрократизму. Русскую бюрократию обыкновенно противопоставляют русской интеллигенции, и это в известном смысле правильно. Но при этом противопоставлении может возникнуть целый ряд вопросов: так ли уж чужд мир интеллигенции миру бюрократии; не есть ли наша бюрократия отпрыск нашей интеллигенции; не питается ли она соками из нее; не лежит ли, наконец, на нашей интеллигенции вина в том, что у нас образовалась такая могущественная бюрократия? Одно, впрочем, несомненно, -- наша интеллигенция всецело проникнута своим интеллигентским бюрократизмом. Этот бюрократизм проявляется во всех организациях нашей интеллигенции и особенно в ее политических партиях.

Наши партийные организации возникли еще в дореволюционную эпоху. К ним примыкали люди искренние в своих идеальных стремлениях, свободные от всяких предрассудков и жертвовавшие очень многим. Казалось бы, эти люди могли воплотить в своих свободных организациях хоть часть тех идеалов, к которым они стремились. Но вместо этого мы видим только рабское подражание уродливым порядкам, характеризующим государственную жизнь России.

Возьмем хотя бы ту же социал-демократическую партию. На втором очередном съезде ее, как было уже упомянуто, был выработан устав партии. Значение устава для частного союза соответствует значению конституции для государства. Тот или другой

устав как бы определяет республиканский или монархический строй партии, он придает аристократический или демократический характер ее центральным учреждениям и устанавливает права отдельных членов по отношению ко всей партии. Можно было бы думать, что устав партии, состоящей из убежденных республиканцев, обеспечивает ее членам хоть минимальные гарантии свободы личности и правового строя. Но, по видимому, свободное самоопределение личности и республиканский строй для представителей нашей интеллигенции есть мелочь, которая не заслуживает внимания; по крайней мере, она не заслуживает внимания тогда, когда требуется не провозглашение этих принципов в программах, а осуществление в повседневной жизни. В принятом на съезде уставе социал-демократической партии менее всего осуществлялись какие бы то ни было свободные учреждения. Вот как охарактеризовал этот устав Мартов, лидер группы членов съезда, оставшихся в меньшинстве: "вместе с большинством старой редакции (газеты "Искра") я думал, что съезд положит конец "осадному положению" внутри партии и введет в ней нормальный порядок. В действительности осадное положение с исключительными законами против отдельных групп продолжено и даже обострено"^[6]. Но эта характеристика нисколько не смутила руководителя большинства Ленина, настоявшего на принятии устава с осадным положением. "Меня нисколько не пугают, -- сказал он, -- страшные слова об "осадном положении", об "исключительных законах" против отдельных лиц и групп и т. п. По отношению к неустойчивым и шатким элементам мы не только можем, мы обязаны создавать "осадное положение", и весь наш устав партии, весь наш утвержденный отныне съездом централизм есть не что иное, как "осадное положение" для столь многочисленных источников политической расплывчатости. Против расплывчатости именно и нужны особые, хотя бы и исключительные законы, и сделанный съездом шаг правильно наметил политическое направление, создав прочный базис для таких законов и таких мер"^[7]. Но если партия, состоящая из интеллигентных республиканцев, не может обходиться у нас без осадного положения и исключительных законов, то становится понятным, почему Россия до сих пор еще управляется при помощи чрезвычайной охраны и военного положения.

Для характеристики правовых понятий, господствующих среди нашей радикальной интеллигенции, надо указать на то, что устав с "осадным положением в партии" был принят большинством всего двух голосов. Таким образом, был нарушен основной правовой принцип, что уставы обществ, как и конституции, утверждаются на особых основаниях квалифицированным большинством. Руководитель большинства на съезде не пошел на компромисс даже тогда, когда для всех стало ясно, что принятие устава с осадным положением приведет к расколу в партии, почему создавшееся положение безусловно обязывало к компромиссу. В результате действительно возник раскол между "большевиками" и "меньшевиками". Но интереснее всего то, что принятый устав партии, который послужил причиной раскола, оказался совершенно негодным на практике. Поэтому менее чем через два года -- в 1905 году, -- на так называемом третьем очередном съезде, состоявшем из одних "большевиков" ("меньшевики" уклонились от участия в нем, заявив протест против самого способа представительства на нем), устав 1903 года был отменен, а вместо него был выработан новый партийный устав, приемлемый и для меньшевиков. Однако это уже не привело к объединению партии. Разойдясь первоначально по вопросам организационным, "меньшевики" и "большевики" довели затем свою вражду до крайних пределов, распространив ее на все вопросы тактики. Здесь уже начали действовать социально психологические законы, приводящие к тому, что раз возникшие рознь и противоречия между людьми в силу присущих им внутренних свойств постоянно углубляются и расширяются. Правда, лица с сильно развитым сознанием должного в правовом отношении могут подавить эти социально психологические эмоции и не дать им развиваться. Но на это способны только те люди, которые вполне отчетливо сознают, что всякая организация и вообще всякая

общественная жизнь основана на компромиссе. Наша интеллигенция, конечно, на это неспособна, так как она еще не настолько выработала свое правовое сознание, чтобы открыто признавать необходимость компромиссов; у нас, у людей принципиальных, последние всегда носят скрытый характер и основываются исключительно на личных отношениях.

Вера во всемогущество уставов и в силу принудительных правил несколько не является чертой, свойственной лишь одним русским социал-демократам. В ней сказались язвы всей нашей интеллигенции. Во всех наших партиях отсутствует истинно живое и деятельное правосознание. Мы могли бы привести аналогичные примеры из жизни другой нашей социалистической партии, социалистов революционеров, или наших либеральных организаций, например, "Союза освобождения", но, к сожалению, должны отказаться от этого громоздкого аппарата фактов. Обратим внимание лишь на одну в высшей степени характерную черту наших партийных организаций. Нигде не говорят так много о партийной дисциплине, как у нас; во всех партиях, на всех съездах ведутся нескончаемые рассуждения о требованиях, предписываемых дисциплиной. Конечно, многие склонны объяснять это тем, что открытые организации для нас дело новое, и в таком объяснении есть доля истины. Но это не вся и не главная истина. Наиболее существенная причина этого явления заключается в том, что нашей интеллигенции чужды те правовые убеждения, которые дисциплинировали бы ее внутренне. Мы нуждаемся в дисциплине внешней именно потому, что у нас нет внутренней дисциплины. Тут опять мы воспринимаем право не как правовое убеждение, а как принудительное правило. И это еще раз свидетельствует о низком уровне нашего правосознания.

VI

Характеризуя правосознание русской интеллигенции, мы рассмотрели ее отношение к двум основным видам права -- к правам личности и к объективному правопорядку. В частности, мы попытались определить, как это правосознание отражается на решении вопросов организационных, т. е. основных вопросов конституционного права в широком смысле. На примере наших интеллигентских организаций мы старались выяснить, насколько наша интеллигенция способна участвовать в правовой реорганизации государства, т. е. претворении государственной власти из власти силы во власть права. Но наша характеристика была бы неполна, если бы мы не остановились на отношении русской интеллигенции к суду. Суд есть то учреждение, в котором прежде всего констатируется и устанавливается право. У всех народов, раньше чем развилось определение правовых норм путем законодательства, эти нормы отыскивались, а иногда и творились путем судебных решений. Стороны, внося спорные вопросы на решение суда, отстаивали свои личные интересы; но каждая доказывала "свое право", ссылаясь на то, что на ее стороне объективная правовая норма. Судья в своем решении давал авторитетное определение того, в чем заключается действующая правовая норма, причем опирался на общественное правосознание. Высоко держать знамя права и вводить в жизнь новое право судья мог только тогда, когда ему помогало живое и активное правосознание народа. Впоследствии эта созидательная праводеятельность суда и судьи была отчасти заслонена правотворческой законодательной деятельностью государства. Введение конституционных форм государственного устройства привело к тому, что в лице народного представительства был создан законодательный орган государства, призванный непосредственно выражать народное правосознание. Но даже законодательная деятельность народного представительства не может устранить значения суда для осуществления господства права в государстве. В современном конституционном государстве суд есть прежде всего хранитель действующего права; но затем, применяя право, он продолжает быть и создателем нового права. Именно в последние десятилетия юристы-теоретики обратили внимания на то, что эта роль суда

сохранилась за ним, несмотря на существующую систему законодательства, дающую перевес писаному праву. Этот новый, с точки зрения идеи конституционного государства, взгляд на суд начинает проникать и в новейшие законодательные кодексы. Швейцарский гражданский кодекс, единогласно утвержденный обеими палатами народных представителей 10 го декабря 1907 года, выражает его в современных терминах; первая статья кодекса предписывает, чтобы в тех случаях, когда правовая норма отсутствует, судья решал на основании правила, которое он установил бы, "если бы был законодателем". Итак, у наиболее демократического и передового европейского народа судья признается таким же выразителем народного правосознания, как и народный представитель, призванный законодательствовать; иногда отдельный судья имеет даже большее значение, так как в некоторых случаях он решает вопрос единолично, хотя и не окончательно, ибо благодаря инстанционной системе дело может быть перенесено в высшую инстанцию. Все это показывает, что народ с развитым правосознанием должен интересоваться и дорожить своим судом как хранителем и органом своего правопорядка.

Каково же, однако, отношение нашей интеллигенции к суду? Отметим, что организация наших судов, созданная Судебными Уставами Александра II 20-го ноября 1864 г., по принципам, положенным в ее основание, вполне соответствует тем требованиям, которые предъявляются к суду в правовом государстве. Суд с такой организацией вполне пригоден для насаждения истинного правопорядка. Деятели судебной реформы были воодушевлены стремлением путем новых судов подготовить Россию к правовому строю. Первые реорганизованные суды по своему личному составу вызывали самые радужные надежды. Сперва и наше общество отнеслось с живым интересом и любовью к нашим новым судам. Но теперь, спустя более сорока лет, мы должны с грустью признать, что все это была иллюзия и у нас нет хорошего суда. Правда, указывают на то, что с первых же лет вступления в жизнь Судебных Уставов и до настоящего времени они подвергались неоднократно таи называемой "порче". Это совершенно верно; "порча" производилась главным образом в двух направлениях: во-первых, целый ряд дел, преимущественно политических, был изъят из ведения общих судов и подчинен особым формам следствия и суда; во вторых, независимость судей все более сокращалась и суды ставились во все более зависимое положение. Правительство преследовало при этом исключительно политические цели. И замечательно, что оно сумело заигнорировать внимание нашего общества в этом направлении и последнее интересовалось только политической ролью суда. Даже на суд присяжных у нас существовало только две точки зрения: или политическая, или общегуманитарная; в лучшем случае, в суде присяжных у нас видели суд совести в смысле пассивного человеколюбия, а не деятельного правосознания. Конечно, может быть, по отношению к уголовному суду политическая точка зрения при наших общественных условиях была неизбежна. Здесь борьба за право необходимо превращалась в борьбу за тот или иной политический идеал.

Но поразительно равнодушие нашего общества к гражданскому суду. Широкие слои общества совсем не интересуются его организацией и деятельностью. Наша общая пресса никогда не занимается его значением для развития нашего права, она не сообщает сведений о наиболее важных, с правовой точки зрения, решениях его и если упоминает о нем, то только из-за сенсационных процессов. Между тем, если бы наша интеллигенция контролировала и регулировала наш гражданский суд, который поставлен в сравнительно независимое положение, то он мог бы оказать громадное влияние на упрочение и развитие нашего правопорядка. Когда говорят о неустойчивости у нас гражданского правопорядка, то обыкновенно указывают на дефектность нашего материального права. Действительно, наш свод законов гражданских архаичен, кодекса торгового права у нас совсем нет, и некоторые другие области гражданского оборота почти не регулированы точными нормами писаного права. Но тем большее значение

должен был бы иметь у нас гражданский суд. У народов с развитым правосознанием, как, например, у римлян и англичан, при тех же условиях развивалась стройная система неписаного права, а у нас гражданский правопорядок остается все в том же неустойчивом положении. Конечно, и у нас есть право, созданное судебными решениями; без этого мы не могли бы существовать, и это вытекает уже из факта известного постоянства в деятельности судов. Но ни в одной стране практика верховного кассационного суда не является такой неустойчивой и противоречивой, как у нас; ни один кассационный суд не отменяет так часто своих собственных решений, как наш сенат. В последнее время и на решения Гражданского Кассационного Департамента Сената сильно влияли мотивы, совершенно чуждые праву; вспомним хотя бы резкую перемену фронта с 1907 г. по отношению к 683 ст. нашего свода законов гражданских, регулирующей вопрос о вознаграждении лиц, потерпевших при эксплуатации железных дорог. Но несомненно, что в непостоянстве нашего верховного кассационного суда виновато в значительной мере и наше общество, равнодушное к прочности и разумности господствующего среди него гражданского правопорядка. Даже наши теоретики юристы мало этим интересуются, и потому наша сенатская кассационная практика почти совсем не разработана. У нас нет даже специальных органов печати для выполнения этих задач; так, единственная ваша еженедельная газета "Право", посвященная отстаиванию и разработке формального права, существует только десять лет.

Невнимание нашего общества к гражданскому правопорядку тем поразительнее, что им затрагиваются самые насущные и жизненные интересы его. Это вопросы повседневные и будничные; от решения их зависит упорядочение нашей общественной, семейной и материальной жизни.

Каково правосознание нашего общества, таков и наш суд. Только из первых составов наших реформированных судов можно назвать единичные имена лиц, оказавших благотворное влияние на наше общественное правосознание; в последние же два десятилетия из наших судов не выдвинулся ни один судья, который приобрел бы всеобщую известность и симпатии в русском обществе; о коллегиях судей, конечно, нечего и говорить. "Судья" не есть у нас почетное звание, свидетельствующее о беспристрастии, бескорыстии, высоком служении только интересам права, как это бывает у других народов. У нас не существует нелицеприятного уголовного суда; даже более, наш уголовный суд превратился в какое то орудие мести. Тут, конечно, политические причины играют наиболее решающую роль. Но и наш гражданский суд стоит далеко не на высоте своих задач. Невежество, небрежность некоторых судей прямо поразительны, большинство же относится к своему делу, требующему неустанной работы мысли, без всякого интереса, без вдумчивости, без сознания важности и ответственности своего положения. Люди, хорошо знающие наш суд, уверяют, что скольконибудь сложные и запутанные юридические дела решаются не на основании права, а в силу той или иной случайности. В лучшем случае талантливый и работающий поверенный выдвигает при разборе дела те или другие детали, свидетельствующие в пользу его доверителей. Однако часто решающим элементом является даже не видимость права или кажущееся право, а совсем посторонние соображения. В широких слоях русского общества отсутствует и истинное понимание значения суда и уважение к нему; это особенно сказывается на двух элементах из общества, участвующих в каждом суде, -- свидетелях и экспертах. Чрезвычайно часто в наших судах приходится убеждаться, что свидетели и эксперты совсем не сознают своей настоящей задачи -- способствовать выяснению истины. Насколько легкомысленно некоторые круги нашего общества относятся к этой задаче, показывают такие невероятные, но довольно ходячие термины, как "достоверный" или "честный лжесвидетель". "Скорого суда" для гражданских дел у нас уже давно нет; наши суды завалены такой массой дел, что дела, проходящие через все инстанции, тянутся у нас около пяти лет. Нам могут возразить, что непомерная обремененность суда является главной причиной небрежного и

трафаретного отношения судей к своему делу. Но ведь при подготовленности и осведомленности судей, при интересе к суду как со стороны его представителей, так и со стороны общества работа спорилась бы, дела решались бы и легче, и лучше, и скорей. Наконец, при этих условиях интересы правопорядка приобрели бы настолько решающее значение, что и количественный состав наших судов не мог бы оставаться в теперешнем неудовлетворительном положении.

Судебная реформа 1864 года создала у нас и свободных служителей права -- сословие присяжных поверенных. Но и здесь приходится с грустью признать, что, несмотря на свое существование более сорока лет, сословие присяжных поверенных мало дало для развития нашего правосознания. У нас были и есть видные уголовные и политические защитники; правда, среди них встречались горячие проповедники гуманного отношения к преступнику, но большинство -- это лишь борцы за известный политический идеал, если угодно, за "новое право", а не "за право" в точном смысле слова. Чересчур увлеченные борьбой за новое право, они часто забывали об интересах права формального или права вообще. В конце концов они иногда оказывали плохую услугу и самому "новому праву", так как руководились больше соображениями политики, чем права. Но ещё меньше пользы принесло наше сословие присяжных поверенных для развития гражданского правопорядка. Здесь борьба за право чересчур легко вытесняется другими стремлениями, и наши видные адвокаты сплошь и рядом превращаются в простых дельцов. Это несомненное доказательство того, что атмосфера нашего суда и наше общественное правосознание не только не оказывают поддержки в борьбе за право, но часто даже влияют в противоположном направлении.

Суд не может занимать того высокого положения, которое ему предназначено, если в обществе нет вполне ясного сознания его настоящих задач. Что такого сознания у нашей интеллигенции нет, доказательства этого неисчислимы. Из всей массы их возьмем хотя бы взгляды, высказанные случайно в нашей Государственной Думе членами ее, как выразителями народного правосознания. Так, член второй Думы Алексинский, представитель крайней левой, грозит врагам народа судом его и утверждает, что "этот суд страшнее всех судов". Через несколько заседаний в той же Думе представитель крайней правой Шульгин оправдывает военно-полевые суды тем, что они лучше "народного самосуда", и уверяет, что последствием отмены военно-полевых судов "будет самосуд в самом ужасном виде", от которого пострадают и невинные. Это употребление всуе слова "суд" показывает, однако, что представления наших депутатов о суде отражают еще мировоззрение той эпохи, когда суды приговаривали отдавать осужденных "на поток и разграбление".

Нельзя винить одни лишь политические условия в том, что у нас плохие суды; виноваты в этом и мы сами. При совершенно аналогичных политических условиях у других народов суды все-таки отстаивали право. Поговорка -- "есть судья в Берлине" -- относится к концу XVIII и к первой половине XIX столетия, когда Пруссия была еще абсолютно монархическим государством.

Все сказанное о низком уровне правосознания нашей интеллигенции сказано не в суд и не в осуждение. Поражение русской революции и события последних лет -- уже достаточно жестокий приговор над нашей интеллигенцией. Теперь интеллигенция должна уйти в свой внутренний мир, вникнуть в него для того, чтобы освежить и оздоровить его. В процессе этой внутренней работы должно, наконец, пробудиться неистинное правосознание русской интеллигенции. С верой, что близко то время, когда правосознание нашей интеллигенции сделается созидателем и творцом нашей новой общественной жизни, с горячим желанием этого были написаны и эти строки. Путем ряда горьких испытаний русская интеллигенция должна прийти к признанию, наряду с абсолютными ценностями -- личного самоусовершенствования и нравственного миропорядка, -- также и ценностей относительных -- самого обыденного, но прочного и ненарушимого правопорядка^[8].

^[1] См. Сочинения Н.К.Михайловского. Т. IV, стр. 949

^[2] Там же, стр. 952.- *Примечание ко 2-му изданию.* Статья, из которой заимствованы вышеприведенные отрывки, написана в сентябре 1860 г. В это время народническое мировоззрение утратило свой некогда цельный характер, так как более чем за два года перед тем из недр этого движения возникла партия "Народной Воли" для борьбы за политическую свободу. Н.К.Михайловский сочувствовал этой борьбе, а в своей статье он уже полемизировал со славянофилами, по-прежнему доказывавшими ненужность гарантий; об отрицании необходимости политической свободы он говорит, как о факте прошлого всей народнической интеллигенции.

^[3] См. А.Н.Потресов (Старовер), "Этюды о русской интеллигенции", Сборник статей. 2-е изд. О.Н.Поповой. Спб., 1908. Стр. 253 и сл.

^[4] См. "Полный текст протоколов Второго очередного съезда Р.С.Д.Р.П." Женева 1903. Стр. 169-170.

^[5] П.Новгородцев: "Законодательная деятельность Государственной Думы". См. Сборник статей "Первая Государственная Дума". Спб. 1907. Вып. II, стр.22.

^[6] Полн. Текст протоколов Второго очередн. Съезда Р.С.-Д.Р.П., Женева, 1903, стр. 331.

^[7] Там же, стр. 333 и сл.

^[8] *Примеч. Ко 2-му изд.* Многие считают, что несправедливо обвинять нашу интеллигенцию в слабости правосознания, так как в этом виновата не она, а внешние условия - то бесправие, которое господствует у нас в жизни. Отрицать влияние этих условий невозможно, и оно отмечено в моей статье. Но нельзя их винить во всем, нельзя успокаиваться на признании того, что "наша государственная жизнь слишком долго - в целом ряде поколений - нас не воспитывала, а развращала", что "на общем пренебрежении к началу законности, на сознании его бессилия и ненужности воспитывались целые поколения русских людей". (См. В.Маклаков, "Законность в русской жизни", "ВестеЕвр.", 1909, май, стр. 273-274). Если мы сознали это зло, то с ним нельзя больше мириться; наша совесть не может быть спокойной, и мы должны в самих себе бороться с развращающим нас началом. Недостойно мыслящих людей говорить: мы развращены и будем развращаться, пока не устранят развращающей нас причины,- и всякий человек обязан сказать: я не должен больше развращаться, так как я сознал, что меня развращает и шде причина моего развращения. Мы должны теперь напрячь все силы своей мысли, своего чувства и своей воли, чтобы освободить свое сознание от пагубного влияния неблагоприятных условий. Вот почему задача времени в том, чтобы пробуждать правосознание русской интеллигенции и вызывать его к жизни и деятельности.

Пример табличной формы для анализа предложенного текста и подготовке к дискуссии.

Аналитические фиксации	
Авторское понимание правосознания как формы общественного сознания	Обоснования предлагаемого понимания: исторические и теоретические
Трактовки значение право в обществе	Основания сравнения с логикой и методологией
Связь правосознания и литературы	Дает ли механизмы?
Проблема формирования правосознания в российской культурной традиции	Философские обоснования российской культурной традиции

II. ПРОМЕЖУТОЧНАЯ АТТЕСТАЦИЯ

1.2. Тестовые задания в открытой форме или на дополнение

1.2.1. Теоретические модели фрагмента реальности образуют _____.

Ключ ответа *предмет науки*

1.2.2. Рассуждающим познанием называют _____.

Ключ ответа *философию*

1.2.3. Считается, что школа естественного права возникла на идеях _____.

Ключ ответа *Гуго Гроция*

1.2.4. Ядром системы квинитского права в Древнем Рим считаются _____.

Ключ ответа *законы XII таблиц*

1.2.5. Нормативным основанием деятельности претора являлся _____.

Ключ ответа *преторский эдикт*

1.2.6. Высшее образование подразумевает формирование _____.

Ответ *картины мира*

1.2.7. Содержание профессионального образования составляет не только позитивное знание, но и _____.

Ответ *мировоззрение*

1.2.8. Считается, что идея университета и практика университетского юридического образования сыграла решающую роль в _____.

Ответ *Европейской рецепции Римского права*

1.2.9. Принципиальным отличием высшего образования является умение строить практику на основе _____.

Ответ *профессиональных норм, а не образцов*

1.2.10. Для профессионального правосознания особенно важно иметь представления не только знания действительного права, но и _____.

Ответ *представления о желаемом праве*

1.3 Тестовые задания с выбором единственного правильного ответа

	Вопрос	Варианты ответов	
1.	Течение европейского правоведения, понимающее право не как содержание традиции римского права и правоведения, а как независимый от исторических случайностей продукт разума, универсальный для всех эпох и народов - называется	Историческая школа	А
		Школа естественного права	Б
		Филологическая школа	В
		Школа глоссаторов	Г
		Школа постглоссаторов	Д
2.	Советская юриспруденция рассматривала вопросы развития государства и права в рамках	Теории социальной эволюции	А
		Формационной теории истории	Б
		Исторической Школы Анналов	В
		Школы естественного права	Г

		Исторической школы права	Д
3.	С точки зрения методологии советского правоведения, научное изучение права возможно только в методологии	Экономического детерминизма	А
		Политического моделирования	Б
		Социокультурного анализа	В
		Естественных наук	Г
		Пандектного правоведения	Д
4.	К числу выдающихся представителей советской юридической науки относится	Р.Йеринг	А
		Г.Виндшейд	Б
		С.С. Алексеев	В
		С.А.Муромцев	Г
		Н.М. Коркунов	Д
5.	Для социогуманитарных наук наименее характерен такой метод исследования, как	дедукция	А
		индукция	Б
		синтез	В
		эксперимент	Г
		анализ	Д

Ключ ответа

1.3.1	1.3.2.	1.3.3.	1.3.4	1.3.5
Б	Б	А	В	Г

1.	Один из университетов, где в XI-XII веках началось систематическое преподавание и изучение римского права, находился в	Константинополе	А
		Париже	Б
		Риме	В
		Болонье	Г
		Лондоне	Д
2.	Основу профессионального юридического образования составляет, в первую очередь, овладение	Приемами судебной риторики	А
		Навыками осуществления юридических процедур (подача иска, регистрация юридического лица и т.п.)	Б
		Текстами судебных решений по конкретным делам	В

		Понятийным аппаратом юриспруденции, формирующим профессиональное мышление	Г
		Текстуальным содержанием законов	Д
3.	Профессиональное юридическое мышление является условием	Структурирования юридических документов	А
		Выполнения юридических процедур	Б
		Ведения юридической статистики	В
		Осуществления юридической квалификации	Г
		Организации юридической службы	Д
4.	Фундаментальной задачей высшего юридического образования считается	Освоение процессуальных форм деятельности	А
		Формирование юридического мышления	Б
		Овладение профессиональной коммуникацией	В
		Приобретение управленческих навыков	Г
		Формирование умений разрешать конфликт	Д
5.	Обязательным для высшего юридического образования является овладение	Источниками профессиональной информации	А
		Системами поиска юридических сведений	Б
		Нормами профессиональной деятельности	В
		Техниками юридического документоведения	Г
		Формами ведения профессиональной документации	Д
6.	Никакое юридическое образование невозможно без овладения	Юридическими информационными системами	А
		Навыками юридической аналитики	Б
		Механизмом правового регулирования	В
		Техниками конфликтуализации	Г
		Юридической техникой	Д
7.		Правовой традицией и ситуацией	А

Содержание юридического образования определяется	государства	
	Социальным опытом и юридической практикой	Б
	Юридической наукой и потребностями общества	В
	Правосознанием и педагогической наукой	Г
	Экономикой и юридической техникой	Д

2. Анализ научного текста.

Проанализируйте приведенный ниже фрагмент текста путем заполнения таблицы.

Вячеслав Степин, Михаил Розов, Виталий Горохов

Философия науки и техники

Введение.

Предмет философии науки
(Розов М.А., Стёпин В.С.)

Сейчас, в конце двадцатого века, бросая взгляд в прошлое, мы можем с уверенностью сказать, что ни одна сфера духовной культуры не оказала столь существенного и динамичного влияния на общество, как наука. И в нашем мировоззрении, и в мире окружающих нас вещей мы повсеместно имеем дело с последствиями её развития. Со многими из них мы настолько срослись, что уже не склонны их замечать или тем более видеть в них особые достижения.

Ни с чем не сравнимы и темпы собственного роста и преобразования науки. Уже почти никто, кроме историков, не читает работ даже таких корифеев естествознания прошлого столетия, как Александр Гумбольдт, Фарадей, Максвелл или Дарвин. Никто уже не изучает физику по работам Эйнштейна, Бора, Гейзенберга, хотя они почти наши современники. Наука вся устремлена в будущее.

Каждый, даже великий, учёный обречён на то, что полученные им результаты со временем будут переформулированы, выражены в ином языке, а его идеи будут преобразованы. Науке чужд индивидуализм, она призывает каждого к жертвам ради общего дела, хотя и хранит в социальной памяти имена великих и малых творцов, внёсших вклад в её развитие. Но идеи после их публикации начинают жить самостоятельной жизнью, неподвластной воле и желаниям их творцов. Иногда бывает так, что учёный до конца своих дней не может принять того, во что превратились его собственные идеи. Они ему уже не принадлежат, он не способен угнаться за их развитием и контролировать их применение.

Не удивительно, что в наше время наука нередко оказывается объектом ожесточённой критики, её обвиняют во всех смертных грехах, включая и ужасы Чернобыля, и экологический кризис в целом. Но, во-первых, критика подобного рода – это только косвенное признание огромной роли и мощи науки, ибо никому не придёт в голову обвинять в чем-либо подобном современную музыку, живопись или архитектуру. А во-вторых, нелепо обвинять науку в том, что общество далеко не всегда способно использовать её результаты себе во благо. Спички создавались вовсе не для того, чтобы дети играли с огнём.

Сказанного уже достаточно, чтобы понять, что наука – это вполне достойный объект изучения. В наше время она оказалась под перекрёстным вниманием сразу нескольких дисциплин, включая историю, социологию, экономику, психологию, науковедение. Философия и методология науки занимают в этом ряду особое место. Наука многоаспектна и многогранна, но прежде всего она представляет собой производство знаний. Наука не существует без знания, как автомобилестроение не существует без автомобиля. Можно поэтому интересоваться историей научных учреждений, социологией и психологией научных коллективов, но именно производство знаний делает науку наукой. И именно с этой точки зрения мы будем в дальнейшем к ней подходить. Философия науки пытается ответить на следующие основные вопросы: что такое научное знание, как оно устроено, каковы принципы его организации и функционирования, что собой представляет наука как производство знаний, каковы закономерности формирования и развития научных дисциплин, чем они отличаются друг от друга и как взаимодействуют? Это, разумеется, далеко не полный перечень, но он даёт примерное представление о том, что в первую очередь интересует философию науки.

Итак, мы будем рассматривать науку как производство знаний. Но и с этой точки зрения она представляет собой нечто крайне многокомпонентное и разнородное. Это и экспериментальные средства, необходимые для изучения явлений, – приборы и установки, с помощью которых эти явления фиксируются и воспроизводятся. Это методы, посредством которых выделяются и познаются предметы исследования (фрагменты и аспекты объективного мира, на которые направлено научное познание). Это люди, занятые научным исследованием, написанием статей или монографий. Это учреждения и организации типа лабораторий, институтов, академий, научных журналов. Это системы знаний, зафиксированные в виде текстов и заполняющие полки библиотек. Это конференции, дискуссии, защиты диссертаций, научные экспедиции. Список такого рода можно продолжать и продолжать, но и сейчас бросается в глаза огромная разнородность перечисленных явлений. Что их объединяет? Нельзя ли все это многообразие свести к чему-то одному?

Простейшее и достаточно очевидное предположение может состоять в том, что наука – это определённая человеческая деятельность, обособленная в процессе разделения труда и направленная на получение знаний. Стоит охарактеризовать эту деятельность, её цели, средства и продукты, и она объединит все перечисленные явления, как например, деятельность столяра объединяет доски, клей, лак, письменный стол, рубанок и многое другое. Иными словами, напрашивается мысль, что изучать науку – это значит изучать учёного за работой, изучать технологию его деятельности по производству знаний. Против этого трудно что-либо возразить.

Правда, в значительной степени учёный и сам изучает и описывает свою собственную деятельность: научные тексты, например, содержат подробное описание проделанных экспериментов, методов решения задач и т. п. Но описав поставленный эксперимент, учёный, за редким исключением, не пытается проследить, как именно он пришёл к идее этого эксперимента, а если и пытается, то результаты такой работы уже не входят органично в содержание специальных научных работ.

Не вдаваясь в детали и огрубляя картину, можно сказать, что учёный, работающий в той или иной специальной области науки, как правило, ограничивается описанием тех аспектов своей деятельности, которые можно представить и как характеристику изучаемых явлений. Так, например, когда химик описывает способ получения тех или иных соединений, то это не только описание деятельности, но и описание самих соединений: вещество такое-то может быть получено таким-то путём. Но далеко не все в деятельности учёного можно представить подобным образом. Процедуры научного поиска в разных областях знания имеют много общего, и уже это выводит их за пределы узко профессиональных интересов той или иной специальной науки.

Итак, одним из аспектов исследования науки может быть изучение учёного за работой. Результаты такого изучения могут иметь нормативный характер, ибо, описывая деятельность, которая привела к успеху, мы, сами того не желая, пропагандируем положительный образец, а описание неудачной деятельности звучит как предупреждение.

Но правомерно ли сводить изучение науки к описанию деятельности отдельных людей? Наука это далеко не только деятельность. Деятельность всегда персонифицирована, можно говорить о деятельности конкретного человека или группы людей, а наука выступает как некоторое надличностное, надличностное явление. Это не просто деятельность Галилея, Максвелла или Дарвина. Конечно, труды этих учёных оказали влияние на науку, но каждый из них работал в рамках науки своего времени и подчинялся её требованиям и законам. Если мы как-то понимаем смысл выражений «работать в науке», «оказывать влияние на науку», «подчиняться требованиям науки», то мы тем самым интуитивно уже противопоставили науку деятельности отдельного человека или группы людей и должны теперь ответить на вопрос: что собой представляет это обезличенное целое, выглядывающее из-за спины каждого индивидуального своего представителя?

Забегая вперёд, можно сказать, что речь идёт о научных традициях, в рамках которых работает учёный. Силу этих традиций осознают и сами исследователи. Вот что пишет наш известный географ и почвовед Б. Б. Польшов, цитируя, якобы, выдержки из дневника одного иностранного учёного: «Что бы я ни взял, будь то пробирка или стеклянная палочка, к чему бы я ни подошёл: автоклаву или микроскопу, – все это было когда-то кем-то придумано, и все это заставляет меня делать определённые движения и принимать определённое положение. Я чувствую себя дрессированным животным, и это сходство тем полнее, что, прежде чем научиться точно и быстро выполнять безмолвные приказания всех этих вещей и скрытых за ними призраков прошлого, я действительно прошёл долгую школу дрессировки студентом, докторантом и доктором» И далее: «Никто не может меня упрекнуть в некорректном использовании литературных источников. Самая мысль о плагиате вызывает у меня отвращение. И все же с моей стороны не потребовалось особенного напряжения, чтобы убедиться, что в нескольких десятках моих работ, составивших мне репутацию оригинального учёного и охотно цитируемых моими коллегами и учениками, нет ни одного факта и ни одной мысли, которая не была бы предусмотрена, подготовлена или так или иначе спровоцирована моими учителями, предшественниками или пререканиями моих современников».

Может показаться, что перед нами карикатура. Но сам Б. Б. Польшов подытоживает приведённые записи следующим образом: «Все, что писал автор дневника, есть не что иное, как действительные реальные условия творчества многих десятков, сотен натуралистов всего мира. Мало того, это те самые условия, которые только и могут гарантировать развитие науки, т. е. использование опыта прошлого и дальнейший рост бесконечного количества зародышей всякого рода идей, скрытых иногда в далёком прошлом».

Итак, наука это деятельность, которая возможна только благодаря традиции или, точнее, множеству традиций, в рамках которых эта деятельность осуществляется. Она сама может быть рассмотрена как особый тип традиций, передаваемых в человеческой культуре. Деятельность и традиции – это два разных, хотя и неразрывно связанных аспекта науки, требующие, вообще говоря, разных подходов и методов исследования. Конечно, деятельность осуществляется в традициях, т. е. не существует без них, а традиции, в свою очередь, не существуют вне деятельности. Но изучая традиции, мы описываем некоторый естественный процесс, в то время как акты деятельности всегда целенаправлены. Они предполагают выбор ценностей и целей субъектом деятельности, и нельзя понять деятельность, не фиксируя цель. Философия науки, будучи дисциплиной гуманитарной, сталкивается здесь с кардинальной для гуманитарного знания дилеммой объяснения и понимания.

Рассмотрим её более подробно. Представим себе экспериментатора в лаборатории, окружённого приборами и различного рода экспериментальными установками. Он должен понимать назначение всех этих приспособлений, они для него – своеобразный текст, который он умеет читать и истолковывать определённым образом. Конечно, микроскоп, стоящий у него на столе, изобрёл и сделал не он, конечно, его использовали и раньше. Наш экспериментатор традиционен. Он, однако, может возразить и сказать, что использует микроскоп вовсе не потому, что так делали до него, а потому, что это соответствует его сегодняшним целям. Правда, и цели достаточно традиционны, но наш экспериментатор опять-таки выбрал их не в силу традиционности, а потому, что они показались ему интересными и привлекательными в сложившейся ситуации. Все это так и есть, наш экспериментатор нас не обманывает. Изучив традиции, мы поэтому ещё не поймём деятельность. Нам для этого нужно вникнуть в её цели и мотивы, увидеть мир глазами экспериментатора.

Соотношение понимающего и объясняющего подхода – это очень сложная проблема не только философии науки, но и гуманитарного познания вообще.

Анализ науки как традиции и как деятельности – это два способа анализа, дополняющие друг друга. Каждый из них выделяет особый аспект сложного целого, которым является наука. И их сочетание позволяет выработать более полное представление о науке.

Рассматривая науку как деятельность, направленную на производство нового знания, и как традицию важно принять во внимание историческую изменчивость самой научной деятельности и научной традиции. Иначе говоря, философия науки, анализируя закономерности развития научного знания, обязана учитывать историзм науки. В процессе её развития происходит не только накопление нового знания и перестраиваются ранее сложившиеся представления о мире. В этом процессе изменяются все компоненты научной деятельности: изучаемые ею объекты, средства и методы исследования, особенности научных коммуникаций, формы разделения и кооперации научного труда и т. п.

Даже беглое сравнение современной науки и науки предшествующих эпох обнаруживает разительные перемены. Учёный классической эпохи (от XVII до начала XX в.), допустим, Ньютон или Максвелл, вряд ли бы принял идеи и методы квантовомеханического описания, поскольку он считал недопустимым включать в теоретическое описание и объяснение ссылки на наблюдателя и средства наблюдения. Такие ссылки воспринимались бы в классическую эпоху как отказ от идеала объективности. Но Бор и Гейзенберг – одни из творцов квантовой механики, – напротив, доказывали, что именно такой способ теоретического описания микромира гарантирует объективность знания о новой реальности. Иная эпоха – иные идеалы научности.

В наше время изменился и сам характер научной деятельности по сравнению с исследованиями классической эпохи. На место науки небольших сообществ учёных пришла современная «большая наука» с её почти производственным применением сложных и дорогостоящих приборных комплексов (типа крупных телескопов, современных систем разделения химических элементов, ускорителей элементарных частиц), с резким увеличением количества людей, занятых в научной деятельности и обслуживающих её; с крупными объединениями специалистов разного профиля, с целенаправленным государственным финансированием научных программ и т. п.

Меняются от эпохи к эпохе и функции науки в жизни общества, её место в культуре и её взаимодействие с другими областями культурного творчества. Уже в XVII в. возникающее естествознание заявило свои претензии на формирование в культуре доминирующих мировоззренческих образов. Обретая мировоззренческие функции, наука стала все активнее воздействовать на другие сферы социальной жизни, в том числе и на обыденное сознание людей.

Ценность образования, основанного на усвоении научных знаний, стало восприниматься как нечто само собой разумеющееся.

Во второй половине XIX столетия наука получает все расширяющееся применение в технике и технологии. Сохраняя свою культурно-мировоззренческую функцию, она обретает новую социальную функцию – становится производительной силой общества.

XX век может быть охарактеризован как все расширяющееся использование науки в самых различных областях социальной жизни. Наука начинает все активнее применяться в различных сферах управления социальными процессами, выступая основой квалифицированных экспертных оценок и принятия управленческих решений. Соединяясь с властью, она реально начинает воздействовать на выбор тех или иных путей социального развития. Эту новую функцию науки иногда характеризуют как превращение её в социальную силу. При этом усиливаются мировоззренческие функции науки и её роль как непосредственной производительной силы.

Но если меняются сами стратегии научной деятельности и её функции в жизни общества, то возникают новые вопросы. Будет ли и дальше меняться облик науки и её функции в жизни общества? Всегда ли научная рациональность занимала приоритетное место в шкале ценностей или это характерно только для определённого типа культуры и определённых цивилизаций? Возможна ли утрата наукой своего прежнего ценностного статуса и своих прежних социальных функций? И наконец, какие изменения можно ожидать в системе самой научной деятельности и в её взаимодействии с другими сферами культуры на очередном цивилизационном переломе, в связи с поисками человечеством путей выхода из современных глобальных кризисов?

Все эти вопросы выступают как формулировки проблем, обсуждаемых в современной философии науки. Учёт этой проблематики позволяет уточнить понимание её предмета. Предметом философии науки являются *общие закономерности и тенденции научного познания как особой деятельности по производству научных знаний, взятых в их историческом развитии и рассмотренных в исторически изменяющемся социокультурном контексте*.

Современная философия науки рассматривает научное познание как социокультурный феномен. И одной из важных её задач является исследование того, как исторически меняются способы формирования нового научного знания и каковы механизмы воздействия социокультурных факторов на этот процесс.

Чтобы выявить общие закономерности развития научного познания, философия науки должна опираться на материал истории различных конкретных наук. Она вырабатывает определённые гипотезы и модели развития знания, проверяя их на соответствующем историческом материале. Все это обуславливает тесную связь философии науки с историко-научными исследованиями.

Философия науки всегда обращалась к анализу структуры динамики знания конкретных научных дисциплин. Но вместе с тем она ориентирована на сравнение разных научных дисциплин, на выявление общих закономерностей их развития. Как нельзя требовать от биолога, чтобы он ограничил себя изучением одного организма или одного вида организмов, так нельзя и философию науки лишить её эмпирической базы и возможности сравнений и сопоставлений.

Долгое время в философии науки в качестве образца для исследования структуры и динамики познания выбиралась математика. Однако здесь отсутствует ярко выраженный слой эмпирических знаний, и поэтому, анализируя математические тексты, трудно выявить те особенности строения и функционирования теории, которые связаны с её отношениями к эмпирическому базису. Вот почему философия науки, особенно с конца XIX столетия, все больше ориентируется на анализ

естественнонаучного знания, которое содержит многообразие различных видов теорий и развитый эмпирический базис.

Представления и модели динамики науки, выработанные на этом историческом материале, могут потребовать корректировки при переносе на другие науки. Но развитие познания именно так и происходит: представления, выработанные и апробированные на одном материале, затем переносятся на другую область и видоизменяются, если будет обнаружено их несоответствие новому материалу.

Часто можно встретить утверждение, что представления о развитии знаний при анализе естественных наук нельзя переносить на область социального познания.

Основанием для таких запретов служит проведённое ещё в XIX веке различие наук о природе и наук о духе. Но при этом необходимо отдавать себе отчёт в том, что познание в социально-гуманитарных науках и науках о природе имеет общие черты именно потому, что это научное познание. Их различие коренится в специфике предметной области. В социально-гуманитарных науках предмет включает в себя человека, его сознание и часто выступает как текст, имеющий человеческий смысл. Фиксация такого предмета и его изучение требуют особых методов и познавательных процедур. Однако при всей сложности предмета социально-гуманитарных наук установка на объективное его изучение и поиск законов является обязательной характеристикой научного подхода. Это обстоятельство не всегда принимается во внимание сторонниками «абсолютной специфики» гуманитарного и социально-исторического знания. Его противопоставление естественным наукам производится подчас некорректно. Гуманитарное знание трактуется предельно расширительно: в него включают философские эссе, публицистику, художественную критику, художественную литературу и т. п. Но корректная постановка проблемы должна быть иной. Она требует чёткого различения понятий «социально-гуманитарное знание» и «научное социально-гуманитарное знание». Первое включает в себя результаты научного исследования, но не сводится к ним, поскольку предполагает также иные, вненаучные формы творчества. Второе же ограничивается только рамками научного исследования. Разумеется, само это исследование не изолировано от иных сфер культуры, взаимодействует с ними, но это не основание для отождествления науки с иными, хотя и близко соприкасающимися с ней формами человеческого творчества.

Если исходить из сопоставления наук об обществе и человеке, с одной стороны, и наук о природе – с другой, то нужно признать наличие в их познавательных процедурах как общего, так и специфического содержания. Но методологические схемы, развитые в одной области, могут схватывать некоторые общие черты строения и динамики познания в другой области, и тогда методология вполне может развивать свои концепции так, как это делается в любой другой сфере научного познания, в том числе и социально-гуманитарных науках. Она может переносить модели, разработанные в одной сфере познания, на другую и затем корректировать их, адаптируя к специфике нового предмета.

При этом следует учитывать по меньшей мере два обстоятельства. Во-первых, философско-методологический анализ науки независимо от того, ориентирован ли он на естествознание или на социально-гуманитарные науки, сам принадлежит к сфере исторического социального познания. Даже тогда, когда философ и методолог имеет дело со специализированными текстами естествознания, его предмет – это не физические поля, не элементарные частицы, не процессы развития организмов, а – научное знание, его динамика, методы исследовательской деятельности, взятые в их историческом развитии. Понятно, что научное

знание и его динамика является не природным, а социальным процессом, феноменом человеческой культуры, а поэтому его изучение выступает особым видом наук о духе.

Во-вторых, необходимо учитывать, что жёсткая демаркация между науками о природе и науками о духе имела свои основания для науки в XIX столетии, но она во многом утрачивает силу применительно к науке последней трети XX века. Об этом будет сказано более подробно в дальнейшем изложении. Но предварительно зафиксируем, что в естествознании наших дней все большую роль начинают играть исследования сложных развивающихся систем, которые обладают «синергетическими характеристиками» и включают в качестве своего компонента человека и его деятельность. Методология исследования таких объектов сближает естественнонаучное и гуманитарное познание, стирая жёсткие границы между ними.

Что же даёт философия науки человеку, который изучает её, не будучи специалистом в этой области? В наш прагматический век от изучения чего-то обычно ждут непосредственной пользы. Какую же пользу может извлечь из философии науки тот, кто работает либо готовится работать в науке над её конкретными проблемами? Могут ли они отыскать в философии науки некий универсальный метод решения проблем, своего рода «алгоритм открытия»? Мысленно обращаясь к специалистам в области конкретных наук по этому поводу, можно было бы сказать следующее: никто вам не поможет в решении ваших конкретных проблем, кроме вас самих. Философия науки не ставит своей обязательной задачей чему-то вас учить в вашей собственной области. Она не формулирует специально никаких конкретных рецептов или предписаний, она объясняет, описывает, но не предписывает. Конечно, как уже отмечалось, любое описание деятельности, в том числе и деятельности учёного, можно рассматривать и как предписание – «делай так же», но это может быть только побочным результатом философии науки. Философия науки в наше время преодолела ранее свойственные ей иллюзии в создании универсального метода или системы методов, которые могли бы обеспечить успех исследования для всех наук во все времена. Она выявила историческую изменчивость не только конкретных методов науки, но и глубинных методологических установок, характеризующих научную рациональность. Современная философия науки показала, что сама научная рациональность исторически развивается и что доминирующие установки научного сознания могут изменяться в зависимости от типа исследуемых объектов и под влиянием изменений в культуре, в которые наука вносит свой специфический вклад. Значит ли это, что философия науки вообще бесполезна для учёного? Нет, не значит. Попробуем прояснить эту несколько парадоксальную ситуацию.

Можно ли работать в сфере науки, не понимая, что она собой представляет? Вероятно можно, хотя и до определённых пределов. В такой же степени, например, можно завинчивать какой-нибудь болт на конвейере автозавода, не имея ни малейшего представления ни о производственном процессе в целом, ни о том, что такое автомобиль. Более того, крайне сомнительно, что расширение ваших представлений о производственном процессе может существенно помочь в завинчивании отдельного болта. Однако, если вы ставите перед собой творческую задачу дальнейшего развития автомобилестроения, то здесь вам уже могут понадобиться и представления о предыдущих этапах и закономерностях этого развития, и знание смежных областей, и многое, многое другое. Трудно даже предусмотреть, что вам при этом может понадобиться. Неопределённость предполагаемой предварительной информации – это специфика творческих задач. Фактически перед нами тавтология: если вы точно знаете, что вам понадобится для решения задачи, значит задача не является творческой. Именно поэтому философия науки не нужна научному ремесленнику, не нужна при решении типовых и традиционных задач, но подлинная творческая работа, как правило, выводит учёного на проблемы философии и методологии. Он нуждается в том, чтобы посмотреть на свою область со стороны, осознать закономерности её развития, осмыслить её в контексте науки

как целого, нуждается в расширении кругозора. Философия науки даёт такой кругозор, а извлечёте ли вы из этого пользу – это ваше дело.

Можно подойти к вопросу и с несколько иных позиций, с позиций ценностных ориентаций, с точки зрения осмысленности человеческой жизни. А способно ли нас удовлетворить простое завинчивание болта на конвейере без осознания более глобальной цели, без понимания того процесса, участником которого мы являемся? Вероятно, не способно. А это значит, что любой учёный нуждается в понимании того, что такое наука и научное знание, в понимании того глобального исторического процесса познания, на алтарь которого он самоотверженно кладёт свою голову. Философия науки служит и этим задачам.

Пример табличной формы для анализа предложенного текста и подготовке к дискуссии.

Аналитические фиксации	
Авторское понимание науки	Обоснование предлагаемого понимания
Социокультурные контексты науки	Авторское отношение
Классификация наук	Обоснование
Проблема социальных и гуманитарных наук	Философские основания и методология социогуманитаристики

ЧАСТЬ 3. (не публикуется)